

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 11 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Революция и правовые институты

Исаев И.А. Историческая школа права и революция 3

Ищенко О.А. Объединительный съезд меньшевиков в августе 1917 года и его решения..... 8

Денисенко В.В. Социальное государство и его влияние на правовое регулирование..... 13

Краснов Э.В. Основные принципы правового государства в трудах отечественных ученых XIX века..... 18

Бицков Г.Т. Некоторые аспекты организации и проведения выборов в России, Франции и Соединенных Штатах Америки в XVIII в. 21

Публичное и частное: правовые аспекты

Кучеров И.И. Денежные реформы и валютное регулирование в СССР (послевоенный период)..... 26

Кондратенко З.К. Расторжение брака в Римском и современном семейном праве Российской Федерации 33

Ревьев А.Г. Правовые преимущества: история формирования в обществе и закрепления в юридических актах государства..... 38

Чапайкина И.Г. Полномочия губернатора в сфере местного самоуправления России во второй половине XIX в..... 43

Баранов В.Ф. Приказы общего права «о беглых» и «о защите свободного статуса лица» в Средневековой Англии..... 48

Воробьев С.М. Опасность причинения морального вреда для человека: теоретико-правовой анализ..... 53

Берлявский А.Г., Данихно С.Н. Состав источников советского морского торгового права..... 58

Ромашов Р.А. Рецензия на монографию С.С. Выхоря «Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв.»..... 63

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 26.05.2017.

Номер вышел в свет 22.06.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 11 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Revolution and legal institutes

- Isaev I.A.* Historical Law School and Revolution..... 3
Ischenko O.A. The Menshevik Unification Congress
in August 1917 and Its Resolutions..... 8
Denisenko V.V. Social State and Its Impact
on Legal Regulation 13
Krasnov E.V. Main Principles of Law-Governed State
in Works of National Scientists of XIX Century..... 18
Bitsoev G.T. Some Aspects of Preparation
and Holding of Elections in Russia, France
and the United States of America in XVIII Century..... 21

Public and private: legal aspects

- Kucherov I.I.* Monetary Reforms and Foreign Exchange
Regulation in the USSR (Post-War Period) 26
Kondratenko Z.K. Marriage Dissolution in Roman
and Contemporary Family Law of the Russian Federation 33
Repyev A.G. Legal Preferences: History of Forming
in Society and Fixing in State Legal Instruments 38
Chapaykina I.G. Governor's Authorities in Russian Local
Self-Government in Second Half of XIX Century 43
Baranov V.F. Common Law Orders "On Fugitives"
and "On Protection of Individual's Free Status"
in Medieval England 48
Vorobyev S.M. Danger of Moral Damage Infliction
on Human: Theoretical and Legal Analysis 53
Berlyavsky L.G., Danikhno S.N. Structure
of Sources of Soviet Merchant Shipping Law 58
Romashov R.A. Review of the monograph
"Foreign Decorations in the Russian Emperor Fleet
in Second Half of XIX — Beginning of XX Century"
by S.S. Vykhor..... 63

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 26.05.2017.
Issue was published 22.06.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Историческая школа права и революция

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье рассматривается важный для истории права переход от идей естественного права к концепциям исторической школы права, происшедшей в Европе в конце XVII — начале XIX вв. Абстрактные представления «граждане» и «государство» в этот период приобретают более конкретный, обусловленный историческими обстоятельствами характер. Рождалась идея национального государства. Источником права и государственного устройства представлялся некий «народный дух», обеспечивающий органическое развитие государственности. Но не природа, а история оказалась настоящим источником права и морали. Одновременно с исторической школой права рождался своеобразный политический романтизм, все еще связывающий свое происхождение с Просвещением и Французской революцией.

Ключевые слова: право, норма, справедливость, законность, революция, насилие, народный дух, нация, естественное право, социальность, легитимность.

Historical Law School and Revolution

*Isaev Igor A.,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

The article reviews an important for the history of law transfer from the ideas of “natural” law to the historical law school concepts that took place in Europe at the end of the XVII – the beginning of the XIX centuries. Abstract views on “citizens” and “state” obtain in this period a more specific character determined by the historical circumstances. An idea of a national state was being born. Some “spirit of the people” ensuring harmonious development of nation building appeared as a source of law and state structure. But it was history rather than nature that turned out to be the real source of law and morality (Savigny). Peculiar political romanticism still associating its origination with the Enlightenment and the French Revolution was being born together with the historical law school.

Key words: law, standard, justice, legality, revolution, violence, “spirit of the people”, nation, “natural law”, sociality, legitimacy.

«Французская революция поступила с этим миром так же, как религиозная революция поступила с миром иным» (А. Токвиль). Она рассматривала гражданина абстрактно, вне его связи с отдельными обществами, в которые тот был включен, восходя к наименее частному и наиболее естественному в делах общества и правления. Зато она могла стать понятной всем и повсюду воспроизводимой: «В момент крушения абсолютной монархии всякий, кто умел держать перо, становился законодателем» (Ж. Старобинский). Большинство революционных законопроектов рождалось на фундаменте абстракции, что и позволяло переставать все вокруг коренным образом и на самых простейших основаниях законов социального бытия: мир

рождался как бы заново, с нуля, как в первый час творения. И силой, способствовавшей внедрению этих принципов в жизнь, могла стать только некая «общая воля», позволяющая наделить коллективное «я» нации абсолютной первичностью, неоспоримым предсуществованием. Уже первые конституционные проекты революции исходили из этого постулата. Эти декреты без особых теоретических претензий на истину становились воплощениями общей воли, уже достигшей суверенной власти¹.

Хотя история и не представляет собой «развития из ничего в нечто», однако пер-

¹ Старобинский Ж. 1789 г.: эмблематика разума // Поэзия и знание. М., 2002. С. 380–381.

вое ее большое мифическое достижение на этом пути навсегда остается непреходящим событием, время от времени принимающим новые описательные формы: при этом форма и целесообразность представляют здесь, по сути, одно и то же, являющееся истиной самой по себе. «Каждая нация имеет свой центр счастливого блаженства в самой себе, так же, как каждый шар — свой центр тяжести» (П. Гердер). Точно так же и «каждая эпоха является непосредственно богом, и ее сущность основывается вовсе не на том, что из нее выходит, а в самом ее существовании, в ее собственной самости» (О. Ранке). Однако естественное право желало стать мифом и истиной на все времена и повсюду.

Естественное право давало средство и критерий для нарождающейся либеральной политической практики существующего строя и соответствующих мероприятий правительства, а договор, или «социальный контракт», основанный на «праве разума или природы» (идея, ведущей свое начало с эпохи Средних веков и уже тогда увидевшей в государстве результат разумного правового соглашения), определял и внушал веру в верховную власть народа и со своей стороны обосновывал требование его участия в издании законов. «Правовое государство», в первую очередь, преследовало цель «ограждения прав народа» и осуществления общего равноправия перед лицом закона (в трактовке Канта речь шла, соответственно, о соразмерности действий массы с волей всех и весте с тем — с произволом отдельной личности)².

Естественное право в своей классической форме было связано с телеологическим представлением о вселенной: все естественные существа имеют естественную цель и естественную судьбу, определяющие подходящий для них образ действий. Исходя из такого понимания, Л. Штраус полагал, что и любая политическая философия начинается с утверждения, будто многообразие представлений о праве доказывает факт несуществования естественного права или конвенциональный характер всякого права, что существенное различие между природой и договором и есть главный признак конвенционализма: природа есть норма, а право и справедливость — только результаты договора.

Сторонники же исторического подхода активно отрицали этот тезис, отстаивая

традиционный дуализм «царства природы» и «царства истории»: мир человеческого творчества оказывается всегда выше природы и между свободой и произволом остается непреодолимое различие, поэтому и представления о справедливом и несправедливом уже не кажутся столь произвольными. Зато «платоновская пещера» есть только мир относительных мнений — люди стремятся закрепить их своими постановлениями, поэтому и любая неадекватная точка зрения на «вечный порядок» произвольна, — она обязана своей действительностью не истине, но постановлению или конвенции: по мнению историков, человеческое мышление сущностно исторично и не способно познать вечное.

Создатели исторической школы скоро почувствовали, что догматическое принятие любых абстрактных и всеобщих принципов непременно вызывает революционные, тревожные и дезорганизующие последствия. Принятие таких принципов за истину побуждает человека судить о существующей системе в свете и терминах естественного или разумного строя и мешают людям отождествлять себя с общественным строем, данным им судьбой в действительности, оно отчуждает людей от их настоящего места на земле³. Историческая школа подчеркивала превосходство локального и временного над универсальным: ее борьба была направлена как против неестественного или конвенционального (договора), так и против сверхъестественного или потустороннего.

В начале XIX века мир истории как бы освобождался от «окопчения», в котором он оказался под воздействием идей естественного права эпохи Просвещения. Фридрих Мейнке отметил некоторые наиболее явные тенденции этого процесса: распространение преромантической познавательной потребности, направленной на ранние времена истории и их идеализацию, пиелистское, мистическое движение, пробуждающее субъективное начало и метафизически религиозные мотивы; новое душевное отношение к античности, направленность на индивидуализацию и укорененность в родственной Богу основе жизни, интерпретировавшую платоновские идеи и монадологию Лейбница уже в новом ключе⁴.

³ См.: Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 15–20.

⁴ Мейнке Ф. Возникновение истории. М., 2004. С. 436–437.

² Циглер Т. Умственные и общественные течения XX века. СПб., 1900. С. 122–123.

Ценность каждой исторической эпохи заключается не в том, что из нее произойдет, а на самом ее существовании, на ее собственной самости. Романтические реминисценции питали идею о том, что земная история есть только небольшой фрагмент некоей более общей истории и не может рассматриваться как цельная картина. Историю творит отдельная личность, которой движет провидение.

Шеллинг достаточно пессимистично оценивал участие человеческой воли в развитии исторического процесса: не история определяет народную мифологию, но наоборот, его мифология определяет его историю, следовательно, процесс истории направляется неким сверхмировым процессом. И государство есть навязанный человеку извне порядок. Цель государственного закона — отрицание человеческого «я», и такая цель почти достигнута: у «я» появляется возможность «отказаться от себя самого, как чего-то активного, уклониться от пагубного действия, бежать от натиска закона в созерцательную жизнь». Само движение истории идет от некоего «великого и органического» в начале, к оформленному и суженному в конце⁵.

Эрнст Трельч предупреждал против поверхностного смешения исторической школы права с романтизмом вообще. От гегелевских установок эту школу отличало отсутствие потребности в универсальных обобщениях и рационально-диалектических элементов в ее методе познания. Идеи органонологии и народного духа, отрицающие всякую рациональность и нормативность мира абстрактных идей, указывали на тесную органическую связь индивидуального и универсального, окрашивая ее в романтические и мистические тона. В отличие от гегелевской диалектики идей, это была ориентация на вполне реальную жизнь, на становление созерцаемого, а не конструируемого, это была идея «виталистического развития, связанная с соответствующим ценностным направлением»⁶. Понятие развития вообще становится базовым в трудах юристов исторической школы, хотя его философские истоки можно обнаружить уже у Новалиса, Ф. Шлегеля и, конечно же, у Гегеля. В политико-идеологическом плане исто-

ризм становится противовесом безграничному субъективизму и релятивизму «идей 1789 г.»: он давал возможность воспринимать в качестве реальностей исторические общности как реально существующие индивидуальные организмы. Представители этой школы достаточно скоро превратились в консервативных революционеров духа, которые хотели построить качественно новый жизненный порядок и новое историческое направление»⁷.

Ранее других Шеллинг в своей «Философии тождества» предложил синтез духа и чувственности, природы и свободы, выступив против рационализма Французской революции с ее математически-механистической натурфилософией. Социальные отношения и политика должны были строиться не на абстрактном индивидуализме, а на сверхиндивидуальных, органических и эстетических ценностях: предполагался синтез культур, классицизма и романтики, «старого порядка» и современности. Сам ход исторического развития воспринимался посредством вчувствования или интуиции, и уже органонология Шеллинга признавала факт непрерывного восхождения от организмов природы к организациям культуры; Гегель же в противовес этому подчеркнул различие между разумным законом и рациональной целью, т.е. между природным и культурным.

Савиньи, видевший в деятельности народного духа источник права и государственного устройства, сумел применить идею закономерного правового развития к проблемам кодификации частного (гражданского) права. В этой области государственная воля сводилась к минимуму. Вместе с тем такой подход резко снижал роль волевого фактора (критики указывали на свойственную Савиньи «болезнь исторических коллизий») и участие «произвола и справедливости» (Р. Иеринг) в формировании законов⁸.

Когда-то платонизм провозгласил именно идею главенствующей инстанции жизни. Христианство, начиная с апостола Павла, свои силы направило на то, чтобы «взрастить многовековое древо последнего суда», под сенью которого вершатся все человеческие судьбы: «законы древних говорили не столько о всевластии Закона, сколько о пути к Благу, откуда эти законы вытекают». Хри-

⁵ Шпанн О. Философия истории. СПб.: изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 80–82.

⁶ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 238–240.

⁷ Там же.

⁸ См.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 159.

стианство тем самым превратило суждение в главный закон жизни, главное орудие господства над жизнью: «идеология суждений брала свое начало в той истинной вере, что истинное царства — не от мира сего», и тогда трансцендентный закон распространил свою власть на все возможности органического, имманентного существования, и в результате «земная жизнь отравляется острым сознанием неоплатного долга по отношению к этой трансцендентности» (апостол Павел пояснил: «Бог умер за грехи человека»). В результате идеология суждения заполнила собой все уголки человеческого существования, и эта власть не ослабевала даже при исчезновении и отсутствии трансцендентности, — судить всех и каждого именем Закона, — не благо определяет законы, но закон — благо⁹. В заповеди все одновременно и запрещено, и разрешено. Апостол Павел напоминал, что сам Закон вызывает желание преступить его, и заповедь обращается к «внутреннему» человеку, призванному решить, что следует и что не следует совершать. Это — безусловный закон, подразумевающий включение в себя всех позитивных законов, «закон чрезвычайного положения», границами действия которого являются жизнь и смерть.

Идею приоритета права (т.е. суждения) над благом, понимание справедливости как главного достоинства социальных институтов и идею нейтральности правосудия и государства по отношению к разнообразным концепциям жизненного блага революция сделала идеологическим основанием либеральной концепции создаваемого ею европейского общества, реализованным «проектом Просвещения». Эта идея «конституционной или юридической теории, в которой суждения политического дискурса, выносимые *ad hoc*, вытесненные строгими легалистскими решениями», приводят к неизбежной политизации закона, результатом чего становится не столько перевод политической жизни в практику правовых дискуссий, сколько разрушение самой этой политической жизни¹⁰. И террор стал наглядным примером подобной метаморфозы закона.

Суждение интерпретирует факт совершенно заложеному в нем смыслу, но история суждений (идей) и история фактов почти никогда не совпадают и даже не кор-

релируются. Революционный мир в качестве материала для своего построения всегда выбирает, однако, именно историю суждений, к ней приспосабливается революционная политика и законотворчество. В этом отношении диктатура и террор часто оказывались даже более идеалистическими в своих мировосприятиях, чем обыденная реальная жизнь революционного общества: ведь политика никогда не совпадала с бытом, игнорируя его, как нечто «нижнее».

То, что право приобретает в чисто идеальном отношении (Гроций видел в математике такой подходящий инструмент для восстановления платоновской «идеи» права), оно теряет в отношении «реальности» своего эмпирического существования и применения, где право перемещается из области физического и действительно в область возможного. Еще Лейбниц заявлял, что наука о праве зависит отнюдь не от опыта, а от определений, не от фактов, а от логических доказательств: право и закон включают в себя понятие соответствия, пропорции и гармонии, значимость которых вовсе не зависит от их реализации: «учение о естественном праве видит в законе и математике убедительнейшее свидетельство самозаконности и спонтанности духа». Изнутри себя дух создает, благодаря «идеям», область величин и чисел и соответственно этому осуществляет конструирование и выстраивание в области права. Здесь он начинает с изначальных норм, которые творит из себя самого, а затем уже формирует частное и особенное. Так он поднимается над случайностью и внешностью фактического и достигает системы права, в которой все включено в целое и каждое отдельное решение получает от него подтверждение¹¹.

В противовес гегелевской диалектике правовых понятий Рудольф Иеринг отрицал не только их приращенность и априорность, но и первоначальные задатки нравственности, которая является продуктом истории и человеческой деятельности. Недопустимым является смешение нравственного с природным, чем так грешит естественное право. Законодатель, издавая свои законы, имеет в виду именно такую норму, которая обладает универсальной и абсолютной значимостью, являясь для него целью и образцом. Такое совершенное понятие за-

⁹ Делез Ж. Ницше. СПб., 1997. С. 182.

¹⁰ Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003. С. 154.

¹¹ См.: Кассирер Э. Философия Просвещения. М.-СПб: Центр Гуманитарных Инициатив, 2013. С. 262–263.

кона предполагает некую «заповедь», императивно воздействующую на все отдельные воли, она не создает самой идеи закона, но подчиняется этой идее; заповедь приводит идею в действие. (Так, Теодор Моммзен увидел в развитии римской истории некое самораскрытие заложенных в латинском духе стремлений к господству над миром, И.Г. Дройзен оценивал искусство исторического понимания как «интуитивное толкование волевых действий и процессов, связей цели и побуждений отдельных периодов в различных областях культуры и ценностей». Объединенные в целостность, эти побуждения становятся тождественными понятию «воспитания», которое стремится к созиданию национально-индивидуального исторического тела»: уже начиная с Гердера и Фихте идея воспитания как «тотальной политики» становится важным элементом в процессе формирования нации и национального духа).

Из исторического мышления XIX века выросло и новое понятие государства. Ф. Шиллер увидел в государстве действительность нравственной идеи: подлинной задачей каждого народа становится создание собственного государства. Однако сама идея государства оказывается здесь противопоставленной его реальному историческому происхождению (как у Канта, так и у Гегеля) и это становится отказом от обращения к природе, как естественному стандарту. Природа и свобода, реальность и норма, «есть» и «должно» кажутся полностью независимыми друг от друга: но если базовые принципы права оказываются не такими уж неизменными, то значит, что и настоящего естественного права в реальности быть не может, ведь для его существования потребовалось бы общее согласие, которое недостижимо в действительности.

Задачей объективного права установление мира или компромисса путем расширения сферы своего господства и осуществления присущего ему принципа нейтралитета.

Другого способа оно не знает, поскольку вырастает и живет в атмосфере столкновений и борьбы противоположных сил и интересов. Выходом представляется только установление одного закона верховной воли. Поэтому без принуждения и насилия оно обойтись не может.

И разнообразие представлений о справедливости также неизбежно приводит к тому, что закон очень скоро обнаруживает свое внутреннее противоречие, поскольку являет собой только относительный результат общественного мнения — не более, чем установление того факта, что справедливость оказывается функцией политического искусства. (Но правящий слой, настоящим результатом решений и действий которого закон является, заботится прежде всего о своем собственном интересе, делая при этом вид, что эти законы одинаково хороши также и для всех остальных.) Поэтому и общественное целое образуется только как фиктивное или конвенциональное единство, ибо «все возникающее по природе существует без принуждения», но общество существует или распадается как раз в результате принуждения, насилия и применения силы. «Мать морали не природа, а история» (Савиньи). Справедливость воспринимается здесь как «подчинение блага части благу целого»: «...То благо, которое зависит от людских капризов и глупостей, ...оказывается ...противоположностью того призрачного блага, которое называют «правом» или «справедливостью». Естественное благо — это свое собственное благо, к которому каждый стремится по природе, тогда как право и справедливость становятся привлекательными только через принуждение и, в конечном счете, через конвенцию: справедливость выступает как производная от эгоизма и подчиненная ему¹², кроме того, право по природе своей оказывается вне логики» (Меркль).

¹² Штраус Л. Указ. соч. С. 98–103.

Литература

1. Грей Д. Поминки по Просвещению / Д. Грей. М., 2003.
2. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез. СПб., 1997.
3. Мейнике Ф. Возникновение истории / Ф. Мейнике. М., 2004.
4. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / П.И. Новгородцев // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010.
5. Старобинский Ж. 1789 г.: эмблематика разума / Ж. Старобинский // Поэзия и знание. М., 2002.
6. Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. М., 1994.
7. Циглер Т. Умственные и общественные течения XX века / Т. Циглер. СПб., 1900.
8. Штраус Л. Естественное право и история / Л. Штраус. М., 2007.

Объединительный съезд меньшевиков в августе 1917 года и его решения

*Ищенко Ольга Анатольевна,
преподаватель колледжа Государственного Гжельского университета,
кандидат исторических наук
gip0031@yandex.ru*

В статье рассматривается деятельность руководящих органов меньшевистской партии, лидеров меньшевизма в Февральской революции, их деятельность в создании коалиционного правительства на Объединительном съезде РСДРП(о) в августе 1917 г.

Ключевые слова: партия социал-демократов (меньшевиков), политическая деятельность меньшевиков, Объединительный съезд меньшевиков, лидеры меньшевизма.

The Menshevik Unification Congress in August 1917 and Its Resolutions

*Ischenko Olga A.,
Lecturer of the Gzhel State University College,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article reviews the activity of the governing bodies of the Menshevik party, Menshevism leaders in the February Revolution, their actions to establish a coalition government at the Unification Congress of the Russian Social Democratic Labor Party in August 1917.

Key words: Social Democratic Party (Menshevik), political activity of the Mensheviks, the Menshevik Unification Congress, Menshevism leaders.

Несмотря на значительное количество публикаций по истории российских политических партий, групп и течений, основные проблемы многопартийной истории исследователями сегодня поставлены, но далеко еще не изучены. В связи со 100-летием Февральской и Октябрьской революций 1917 года. воссоздание картины политической жизни меньшевистской партии в России, ее идейно-политической структуры, общественной, революционной и государственной деятельности на различных этапах способствует преодолению одномерного подхода к изучению отечественной истории, выявлению альтернатив исторического процесса, определению различных факторов, обусловивших социальные победы и поражения меньшевизма.

Долгие годы исследование меньшевистской партии в революции 1917 года было односторонним, вследствие этого интерес к поставленной проблеме определяется задачами дальнейшей развития исторической науки. Анализируя деятельность меньшевиков, следует обратить внимание на Объединительный съезд, который был попыткой консолидации политических сил в России накануне Октябрьской революции.

18 августа 1917 г. передовая статья «Рабочей газеты» Петрограда сообщила, что за

исключением «ленинцев» произойдет объединение всех социал-демократических организаций России¹.

В августе 1917 года на местах прошли меньшевистские съезды и конференции, примерно в 40 городах². К моменту открытия съезда в рядах меньшевистской партии было около 200 тыс. членов³. Делегаты съезда представляли следующую численность местных меньшевистских организаций: Петроград — около 9 000 человек, Москва — 5 600 человек, Тифлис — до 12 000 человек, Тула и губерния — 4 700 человек, Кутаис — 3 000 человек, Екатеринослав — 2 500 человек, Макеевка — 3 000 человек, Одесса — 2 100 человек, Киев — более 5 000 человек. Крупные меньшевистские организации, представленные на съезде, были: Брянская, Воткинский завод, Ижевский завод, Клинцы

¹ Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября). Документы и материалы. М., 1962.

² Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961.

³ Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и в СССР в XX веке. Т. 3: 1917, февраль — октябрь. М., 1930.

(Черниговская губерния), Константиновка (Екатеринославская губерния), Луганск, Мариуполь, Минск, Нижний Новгород, Саратов, Царицын и др.⁴

Следовательно, на съезде широко были представлены меньшевистские организации, действующие в Закавказье, Донбассе, на Урале, в Москве, Киеве, Харькове, Иркутске, Крымский Союз, в Туле и других регионах страны.

На съезд прибыло 189 делегатов от меньшевистских и объединенных организаций, 2 делегата от объединенной Латышской социал-демократии, 35 делегатов от Бунда. Всего с решающим голосом было 226 делегатов, с совещательным — 51. Из общего количества делегатов 56 были рабочими (22 %), 57 — служащими (22 %), 16 % делегатов были литераторами, 7 % — юристами и т.д.⁵

На Объединительном съезде было 4 фракции: крайние оборонцы во главе с А.Н. Потресовым; оборонцы — сторонники Церетели-Дана-Либеры — революционные оборонцы; интернационалисты, разделявшие взгляды Мартова (среди них наиболее левые взгляды разделяла Петроградская группа во главе с Ю. Лариным); группа газеты «Новая жизнь», представленная Б.В. Авилковым и большевиком В.А. Базаровым⁶. К последней группе на съезде примкнуло 32 делегата⁷ и интернационалисты из партийной организации Васильевского острова Петрограда, возглавляемые Ю. Лариным. Вместе с ними в интернационалистском лагере было 26 меньшевиков. Их лидером был Ю.О. Мартов. Поддерживали на съезде интернационалистов 17 объединенцев из Москвы, Тулы, Одессы, Твери, Петрозаводска, Оренбурга, Харькова и других городов России.

Такая пестрота представленных на съезде течений предвещала острую идейную борьбу по всем вопросам повестки дня.

⁴ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. М., 1957.

⁵ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922.

⁶ Третья Всероссийская конференция профессиональных союзов. Резолюции, принятые на заседаниях конференции 20-28 июня 1917 г. (С приложением резолюций Второй Всероссийской конференции профессиональных союзов). Пг., 1917.

⁷ Флеер М.Г. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Л., 1925.

Почетными председателями съезда были избраны П.Б. Аксельрод и Н.С. Чхеидзе. В состав президиума были избраны 7 человек, в том числе И.Г. Церетели и Л.М. Хинчук⁸.

28 июля «Рабочая газета» опубликовала извещение об открытии Объединительного съезда 10 августа. Организационный комитет просил произвести выборы делегатов и послать их на съезд. Был определен и порядок работы съезда, и его повестка. Предполагалось обсудить и принять решения по следующим вопросам: 1) доклад Центральной комиссии по созыву съезда; 2) политическое положение и задачи партии; 3) борьба за мир; 4) аграрный вопрос; 5) национальный вопрос; 6) учредительное собрание; 7) организация партии; 8) отчет Организационного комитета; 9) выборы партийных учреждений⁹.

Накануне начала работы съезда усилилась поляризация революционных и контрреволюционных сил. Так, 18 августа 1917 года. Петроградский Совет, вопреки возражению его председателя Н.С. Чхеидзе, поставил вопрос в повестку дня об отмене смертной казни.

Не могло не вызвать не только раздражение, но и прямую ненависть рабочих заявление Н.С. Чхеидзе на Московском Совещании о том, что «объединенная демократия», революционеры не стремятся к власти и готовы отдать все силы для организации обороны страны.

Наиболее важной и доминирующей в меньшевистском руководстве была идея коалиции с буржуазными партиями съезда¹⁰. Без прений был принят порядок дня, предложенный Центральной комиссией по созыву съезда¹¹.

Сразу же после выступления В.М. Крохмалю попросил слово Л.М. Минский. Он предложил съезду до перехода к очередным делам присоединиться к протесту против смертной казни, вынесенному 18 августа на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов¹². В защиту пред-

⁸ Там же

⁹ Golder F.A. (ed). Documents of Russian History. 1914–1917. New York, 1927.

¹⁰ Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. 1917. Февраль — май. Т. 1. Пг., 1924.

¹¹ Рябинский К. Революция 1917 года (Хроника событий). Т. V. Октябрь. М.; Л., 1926.

¹² Стариков Николай. Хроника Красного Октября. М., 2007.

ложения М.Н. Минского принять без прений решение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, протестующего против введения в России смертной казни, выступил Ю.О. Мартов. Вопрос шел только о том, чтобы присоединиться к протесту против применения смертной казни, который был принят Петроградским Советом, вопреки мнению И.Г. Церетели¹³. Большинство участников съезда проголосовали обсудить его, рассматривая вопрос о политическом положении в России¹⁴.

Следующим выступил с докладом «О политическом положении и задачах партии» Ю.О. Мартов. Он заявил, что будет говорить «от имени той части партии меньшевиков, для которой слово «пролетариат» не есть только частности революционной демократии, для которой оценка политических явлений с точки зрения общедемократической и с точки зрения классово-пролетарской далеко не совпадают»¹⁵. Критикуя меньшевистскую стратегию и тактику в революции, взгляды и деятельность И.Г. Церетели, Ю.О. Мартов собственной революционной программы не выдвинул, ибо ее у меньшевиков-интернационалистов не было. Конкретных предложений по выходу из политического кризиса России и меньшевистской партии у него не было¹⁶.

Анализируя социально-политическое и экономическое положение России в условиях продолжавшейся мировой войны, выступивший А.Н. Потресов подчеркнул, что в данный момент не только революция в опасности, в опасности Россия, что революция произошла в экономически отсталой стране, что главную роль в национальной задаче должна сыграть отечественная буржуазия. А.Н. Потресов считал, что российская социал-демократия должна делать то, что она никогда не делала, т.е. необходимо для упрочения революции объединить интересы пролетариата «со всем буржуазным обществом»¹⁷.

А.Н. Потресов, критикуя взгляды Мартова, подчеркнул, что российская буржуазия

не контрреволюционная сила. Российская буржуазия еще не упрочила буржуазного существования страны и капиталистического хозяйства, что перед Россией стоит «громкая задача капиталистического развития», что буржуазия еще не осуществила своей миссии. Ю.О. Мартов, по мнению А.Н. Потресова, не понял, что в стране «надо еще утвердить буржуазный порядок»¹⁸.

После окончания всех докладов съезд обнаружил, что ни один из выступавших не внес конструктивных предложений по стратегии и тактике партии, не сформулировал очередных задач меньшевистской партии. По мнению И.Г. Церетели, меньшевистская партия должна «бесстрастно идти против анархии». А.Н. Потресов добивался от меньшевиков союза с отечественной буржуазией во имя упрочения революции. Ю.О. Мартов заявил, что Церетели затуманивал революционную борьбу масс, нацеливал их на сотрудничество с Корниловым, не понимая, что он несет им. Лишь один Б.В. Авиллов считал, что «буржуазия сознательно идет на развал страны». Одновременно он выступил против подготовки большевиками социалистической революции¹⁹.

В течение трех дней обсуждали делегаты съезда доклады И.Г. Церетели, Ю.О. Мартова, А.Н. Потресова и Б.В. Авилова. Всего записалось выступить по докладом 67 участников съезда²⁰. Прения носили жаркий полемический характер. Особенно много нападков со стороны меньшевиков-оборонцев было на Ю.О. Мартова. 20 августа он изложил свои предложения съезду в газете «Новая жизнь». В них говорилось о том, что в России сложилась неустойчивая ситуация, что обостряются внутренние противоречия между империалистической буржуазией и революционными силами, что расширяется новая фаза борьбы классов, в результате чего на очередь станет проблема завоевания всей власти революционной демократией и подавление контрреволюционных сил милитаризма и буржуазии.

После обсуждения всех проектов резолюций за основу был взят проект И.Г. Церетели. При голосовании он получил 115 голосов. Проект Ю.О. Мартова — 79, Б.В. Авилова — 22 и А.Н. Потресова — 11

¹³ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю.О. Мартова. М., 2007.

¹⁴ Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму? (Большевики и социал-демократия в России). Нью-Йорк, 1919.

¹⁵ Ерманский А.К. Чего хотят социалисты. Пг., 1917.

¹⁶ Розанов В. Учредительное Собрание. Пг., 1917.

¹⁷ Временное правительство. Пг., 1917.

¹⁸ Права женщины. Пг., 1917.

¹⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта; 14 мая; 9 июля; 22 июля; 17 авг.; 29 авг.

²⁰ Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 28 февраля — 3 марта. № 1–7.

голосов. Внесенные в проект И.Г. Церетели поправки интернационалистов съезд отклонил.

24 августа была принята резолюция «Об организации партии», в которой говорилось, что ее верховным органом является общепартийный съезд, который избирает Центральный комитет в составе 25 человек. Решения съезда и постановления ЦК партии обязательны для всех ее членов. Местные организации автономны в своей деятельности в пределах общепартийных постановлений²¹.

На этом же заседании были заслушаны доклады «Война и мир» М.И. Либера, А.С. Мартынова и Н.Н. Суханова. Нарушение меньшевистскими лидерами решений о мире привели в конечном счете к противостоянию между меньшевистской партией, отстаивающей идею об обороне страны и большевиками, борющимися за мир. Большинство исполнительного Комитета, «порвав с международными классовыми задачами, стало на точку зрения английского и французского большинства. Ничего не сделало для борьбы за мир и коалиционное министерство»²².

В резолюции по этому вопросу подчеркивалась необходимость проведения международной конференции в Стокгольме социалистами всех воюющих стран, где предполагалось обсудить вопрос о мире и принять решение о прекращении войны. В данный же исторический момент, в условиях наступления немецких войск и падения Риги, меньшевистский съезд призвал пролетариат и всю демократию к защите страны, «чтобы отвести смертельный удар, повисший над революционной Россией»²³.

При голосовании резолюции «О войне и мире»: «за» высказались 95 делегатов, против — 44 и воздержались 14 человек²⁴. Принятая резолюция не удовлетворила многих делегатов съезда, особенно тех, кто работал на периферии.

Решения Объединительного съезда заставили многих делегатов сделать заявления об отказе участвовать в выборах Центрального комитета партии, мотивируя это тем, что были приняты оборонческие ре-

золюции. Об этом говорилось в заявлении В.М. Куджиева от Петрозаводской организации²⁵, от Московской объединенной организации, подписанной Н.А. Рожковым, В.И. Яхонтовым, В.Я. Ясеныным, Н.С. Мамонтовым и Л.М. Минским²⁶, от С. Цуцкаева (Оренбургская губерния), от И.Л. Зусьмоновича (Харьковская губерния), Б.С. Лившица (Полтавская губерния), К.Н. Беднакова и Е.М. Шекунова (Вологодская губерния)²⁷.

Таким образом, политическая линия меньшевиков-оборонцев, под влиянием которых были приняты резолюции о защите империалистической буржуазии, о создании коалиционной власти и о продолжении войны привела к поляризации сил, к усилению позиций меньшевиков-интернационалистов. Именно на съезде выделилась группа Ю.О. Мартова, вокруг которой стала складываться наиболее революционная часть меньшевиков²⁸.

Резолюция меньшевиков по аграрному вопросу носила половинчатый характер. Она не могла удовлетворить требования миллионов крестьянских масс, солдат русской армии и большинства рабочих, связанных с деревней. Идея о муниципализации земли, несмотря на всю ее ущербность, на то, что ее отвергли крестьяне-депутаты I и II Государственных Дум, восторжествовала на Объединенном съезде меньшевиков в 1917 году.

Последним принципиальным вопросом повестки дня являлся национальный вопрос. С докладом на секции выступил С.Ю. Семковский. Он же предложил съезду резолюцию, выработанную секцией по его докладу. В резолюции подчеркивается, что «полное разрешение национального вопроса и устранение национальных конфликтов может быть достигнуто лишь с устранением самих основ капиталистического строя. Поэтому социал-демократия должна вести самую решительную борьбу против всяких великодержавных и националистических стремлений, направленных к угнетению од-

²⁵ Там же.

²⁶ Арансон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // *Меньшевики после Октябрьской революции: сборник статей и воспоминаний* Б. Николаевского, С. Волина, Г. Арансона. Benson, Vermont, 1990.

²⁷ Балабанова Анжелика. *Моя жизнь и борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938*. М., 2007.

²⁸ Бьюкенен Д. *Мемуары дипломата*. М., 1925.

²¹ Новая жизнь. 1917.

²² Рабочий путь (Киев). 1917. 26 авг.; 5 сент.; 6 сент.; 17 сент.; 20 сент.; 10 окт.; 19 окт.

²³ Социал-демократ. 1915. № 45–46. 11 окт.

²⁴ Социал-демократ (Москва). 1917. 10 авг.; 11 авг.; 12 авг.; 28 авг.; 29 авг.; 7 сент.

ной нации другой. Исходя из этого, РСДРП должна вести борьбу за полную демократизацию государственного строя, добиваться полного равноправия всех национальностей и широкой территориальной автономии для областей, отличающихся своим национальным составом, т.е. защищать принципы культурно-национальной автономии.

В резолюции подчеркивался принцип безоговорочного признания за всеми нациями права на полное самоопределение²⁹.

В итоге результат Объединительного съезда меньшевиков не добился и не решил главных задач, ради которых он был созван. Потерпела поражение идея объединения всех меньшевистских организаций в единую мелкобуржуазную партию, не произошло объединение с большевиками, на что рас-

считывали лидеры меньшевизма. В результате «задача создания единой классовой, революционной и интернационалистической партии оказалась неосуществленной». Меньшевистский съезд разваливался на глазах делегатов³⁰. Бесперспективные решения не могли удовлетворить наиболее революционную часть меньшевиков, связанных с рабочими и работающими в рабочих организациях.

Не выработав единой платформы, единой стратегии и тактики действий в революции, меньшевистские лидеры пожали свои плоды. Для многих организаций деятельность меньшевистских вождей и резолюции съезда оказались неприемлемыми. Многие организации рвали с партией. Кризис меньшевизма был налицо.

²⁹ Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006.

³⁰ Революция и Гражданская война в описании белогвардейцев. 2-е изд. Т. 2. М., 1926.

Литература

1. Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий) / Н. Авдеев. Т. I. Январь — апрель. М.: Пг. 1923.
2. Балабанова А. Моя жизнь и борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938 / А. Балабанова. М., 2007.
3. Великие дни Российской революции. Февраль. 27; 28. Пг. № 1, 2; Март. 1, 2, 3, 4. Пг. 1917. № 3–6.
4. Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта; 14 мая; 9 июля; 22 июля; 17 авг.; 29 авг.
5. Владимиров В. Революция 1917 года (Хроника событий) / В. Владимиров. Т. IV. Август — сентябрь. Л., 1924.
6. Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Пг., 1917.
7. Дан Ф.И. Письма (1899–1946) / Ф.И. Дан. Amsterdam, 1985.
8. Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. 1917. Февраль — май / Д.О. Заславский, В.А. Канторович. Т. 1. Пг., 1924.
9. Зайцев И. Всеобщее избирательное право / И. Зайцев. Пг., 1917.
10. Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 28 февраля — 3 марта. № 1–7.
11. Летопись революции. 1931. № 4 (49).
12. Листок Социал-демократа (Москва). 13 авг.; 20 сент.
13. Новая жизнь. 1917.
14. Права женщины. Пг., 1917.
15. Рабочий путь (Киев). 1917. 26 авг.; 5 сент.; 6 сент.; 17 сент.; 20 сент.; 10 окт.; 19 окт.
16. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября). Документы и материалы. М., 1962.
17. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961.
18. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и в СССР в XX веке. Т. 3: 1917, февраль — октябрь. М., 1930.
19. Розанов В. Учредительное Собрание / В. Розанов. Пг., 1917.
20. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. М., 1957.
21. Рябинский К. Революция 1917 г. (Хроника событий) / К. Рябинский. Т. V. Октябрь. М.: Л., 1926.
22. Социал-демократ. 1915. № 45-46. 11 окт.
23. Социал-демократ (Москва). 1917. 10 авг.; 11 авг.; 12 авг.; 28 авг.; 29 авг.; 7 сент.
24. Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой Революции 1917 г. / собрал и предисловием снабдил В.П. Львов-Рогачевский. М., 1917.
25. Стариков Н. Хроника Красного Октября / Н. Стариков. М., 2007.
26. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922.
27. Третья Всероссийская конференция профессиональных союзов. Резолюции, принятые на заседаниях конференции 20-28 июня 1917 г. (С приложением резолюций Второй Всероссийской конференции профессиональных союзов). Пг., 1917.
28. Флеер М.Г. Хрестоматия по истории Октябрьской революции / М.Г. Флеер. Л., 1925.
29. Церетели И.Г. Речи / И.Г. Церетели. Пг., 1917.
30. Golder F.A. (ed). Documents of Russian History / F.A. Golder. 1914–1917. New York, 1927.

Социальное государство и его влияние на правовое регулирование*

*Денисенко Владислав Валерьевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
Воронежского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vsu_vlad@mail.ru*

Статья посвящена анализу влияния социального государства на правовое регулирование. Проводится анализ изменения правового регулирования в процессе исторического формирования социального государства. Раскрыты проблемы расширения предмета правового регулирования в современном государстве.

Ключевые слова: правовое регулирование, социальное государство, правовая система, легитимность права, консенсус, права человека.

Social State and Its Impact on Legal Regulation

*Denisenko Vladislav V.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Faculty of the Voronezh State University
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to analysis of the impact of the welfare state in legal regulation. Analysis of development of legal regulation in the process of the historical formation of the social state. Disclosed the problem of expanding a subject of legal regulation in the modern state.

Key words: legal regulation, welfare state, legal system, legitimacy of law, consensus, human rights.

Правовое регулирование является процессом, который зависит от исторических процессов той или иной эпохи. Главной особенностью современного правового регулирования является расширение его предмета, а также увеличение количества и специализации законов и иных источников позитивного права. В отечественной правовой системе увеличение сферы действия закона и количества нормативных актов является важной практической проблемой¹. Следует заметить, расширение предмета правового регулирования является общей тенденцией для индустриально развитых стран, так, например, в Новой Зеландии «за последние 10 лет правительство ввело более 1 600 законов и положений»². Таким образом, можно констатировать, что увеличение количества позитивного права является не-

избежным спутником развития современных государств и актуально не только для российской правовой системы. Расширение области правового регулирования является одной из обсуждаемых вопросов не только в отечественной, но и в зарубежной науке. Указанный процесс обозначается различными категориями, например, «правовой взрыв», «сверхрегулирование»³ и другие, на наш взгляд, наиболее удачным из них для определения процесса увеличения сферы правовых отношений является термин «юридификация»⁴. В зарубежной науке вы-

¹ Пиголкин А.С. Законодательная техника. М., 2000. С. 251.

² Цит. по: Голоскоков Л.В. Модернизация российского права / под ред. А.В. Малько. М., 2006.

³ Беляев М.А. Сверхрегулирование: трудности проблематизации // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 г.) / отв. ред. В.В. Денисенко. Воронеж, 2016. С. 160–175.

⁴ Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00291 «Юридификация как проблема правового регулирования».

деляют четыре исторических этапа юридификации западного общества. Первоначально этот процесс был связан с периодом абсолютизма, когда позитивное право монополизировало право государственного принуждения за монархом, ослабив феодальное влияние. Затем происходит расширение правового регулирования в связи с формированием либерального правового государства, когда после буржуазных революций конституционное регулирование закрепляет гарантии политических и экономических от вложения власти. Третий этап связан предоставлением гражданам всеобщего избирательного права, что, естественно, расширило сферу позитивного права. Последняя четвертая «волна» юридификации связана с формированием социального государства «всеобщего благоденствия»⁵. Несмотря на значение всех указанных исторических этапов именно последний, то есть формирование социального государства, приводит к резкому расширению сферы действия закона, так как целые группы общественных отношений перешли к регулированию государством.

Будучи последствием формирования социального государства, юридификация общества влечет как позитивные, так и негативные последствия. Во-первых, позитивный аспект связан с выполнением государством социальной функции, что является необходимым условием для снятия остроты экономических общественных противоречий. Неизбежное при этом регулирование большинства общественных отношений правом, а не иными регуляторами, является средством преодоления экономических конфликтов. Во-вторых, позитивное значение расширения сферы действия права связано с более обеспечением гарантий прав человека в современный период, увеличением свободы личности. «Три последующие волны юридификации гарантировали рост свободы постольку, поскольку они были способны обуздать в интересах граждан и частных правовых субъектов политическую и экономическую динамику, которая была высвобождена правовой институционализацией таких средств, как власть и деньги»⁶.

При этом расширение предмета правового регулирования и детальная юридическая регламентация поведения граждан в так

называемых государствах «всеобщего благоденствия» во второй половине XX века привело и к негативным последствиям. В качестве таковых следует указать уменьшение эффективности права, несмотря на его количественное увеличение, а также избыток позитивного права, что вызывает сложности правового регулирования. Юридификация общества, регламентация большинства отношений позитивным правом приводит к тому, что оно становится слишком сложным и формальным для граждан⁷. Такой процесс приводит к кризису правового регулирования и кризису легитимности позитивного права⁸.

В современной юридической науке существуют различные взгляды на пути преодоления негативных последствий юридификации общества. Многие сторонники экономического либерализма призывают к возвращению к формальному праву путем уменьшения предмета правового регулирования⁹.

Иное понимание рассматриваемой проблемы у сторонников теории аутопоэсиса в праве¹⁰. Указанный термин получил широкое распространение в социологии через работы Н. Лумана, который использовал его для характеристики социальных систем. Право, по Луману, это коммуникативная система, так как и общество в целом — это закрытая система коммуникаций. Понимание общества как коммуникативной системы обусловлено тем, что использование категории аутопоэсиса для характеристики социума возможно лишь в том случае, когда в качестве элементов общества используются коммуникативные акты. Никлас Луман развивает идеи Т. Парсонса о дифференциации общественных систем и разрабатывает концепцию, согласно которой в современном обществе право, экономика политика и ряд других функциональных сфер жизни являются автономными друг от друга. В рамках каждой системы, например правовой

⁷ Исаев И.А. Легальность и бюрократия // История государства и права. 2014. № 20. С. 3–8.

⁸ Исаев И.А. Легальность и легитимность в конституционном процессе / История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.

⁹ Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.

¹⁰ Денисенко В.В. Юридификация общества как научная проблема современной правотворческой техники // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 159–162.

⁵ Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston-Press, 1988. Vol. 2. P. 357.

⁶ Там же.

или экономической, в результате исторического развития происходит формирование особых типов коммуникаций. Это связано с тем, что каждая система имеет свой так называемый бинарный код для обработки информации. Например, для права таким кодом будет «законно/незаконно», для науки «истинно/ложно». Помимо кода в рамках каждой системы существуют программы, которые влияют на способность приспособления системы к окружающей среде¹¹. Правовая система использует в качестве программы нормативные акты и иные источники, которые содержат условия применения бинарного кода. На основании предложенной концепции общества Луман и его последователи указывают на то, что функциональные системы не могут заменять друг друга или выполнять функции других систем. Это связано с тем, что различные коды и программы систем могут действовать только в рамках своей системы. Дело в том, что любая система для обработки информации из окружающей среды использует свой бинарный код и при взаимодействии с другой системой происходит искажение информации. Поэтому невозможно предсказать воздействие одной системы на другие, так как для правовой системы воздействие политических регуляторов будет внешним воздействием, «шумом» окружающей среды. Теория аутопоэсиса в праве объясняет причину кризиса правового регулирования невозможностью в современном обществе регуляторами одной системы регулировать другие. Современное социальное государство детально регламентирует все сферы общества, но единственный регулятор, который оно может использовать, — это право, поэтому происходит его неизбежное разрастание. Между тем увеличение позитивного права, регламентирование им экономики и иных частных отношений приводит зачастую к потере его эффективности. Право в условиях государства «всеобщего благоденствия» перегружено политическими регуляторами, что вызывает трудности в переводе с кода одной системы на другой. Так, Н. Луман приводит пример с законодательством об окружающей среде, которое не достигало своих целей, теряло свою силу, так как согласовывалось с системой существующих законов¹². Политическое воздей-

ствии должно учитывать самостоятельность правовой системы, в противном случае оно не достигает своей цели. В германское анти-трестовое законодательство регулярно вносятся поправки политического характера, что затрудняет его толкование и применение¹³. Поэтому сторонники концепции аутопоэсиса считают необходимым изменить понимание правового регулирования. Наиболее детально данная проблема разработана Г. Тойбнером, который предлагает концепцию косвенного правового регулирования. Между тем, взяв ряд ценных идей из теории Н. Лумана и его учеников, в целом сама концепция права как совершенно закрытой, автономной системы вызывает сомнение. Так же, как и иные философские конструкции, которые базируются на гипотезе самостоятельности права от общества.

Принципиально иная позиция на расширение предмета правового регулирования и его последствия разработана в теории коммуникативного действия наиболее известным представителем, которым является немецкий философ Ю. Хабермас¹⁴. С точки зрения теории коммуникативного действия право должно рассматриваться не только как инструмент или механизм достижения цели, но как процедура достижения взаимопонимания между субъектами, процесс поддержания коммуникативных связей, достижения консенсуса¹⁵. В случае, когда позитивное право замещает социальные связи, а не поддерживает их, развиваются социальные патологии, поэтому, помимо инструментального назначения в современном обществе, право должно выполнять также коммуникативную роль. Как указывает Ю. Хабермас в главной работе, посвященной праву — «Фактичность и значимость» (Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of law and democracy) — позитивное право должно сочетать в себе одновременно два указанных в заглавии книги

¹¹ Luhmann N. Sociological Theory of Law. London: Routledge&Kegan Paul, 1985. P. 165.

¹² Там же.

¹³ Цит по.: Голоскоков А.В. Модернизация российского права / под ред. А.В. Малько. М., 2006. С. 60.

¹⁴ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1997. S. 488.

¹⁵ Юрген Хабермас раскрывает эти проблемы в работе «Фактичность и значимость» / Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of law and democracy. Cambridge, 1996.

качества¹⁶: фактичность — это аспект, связанный с принудительным характером правовых норм; значимость — это моральная обоснованность права, человек должен исполнять закон в случае легитимности правовых норм. Поэтому право должно не заменять принудительностью легитимность, а поддерживать коммуникативные общественные связи, что необходимо для предотвращения кризиса правового регулирования. В частности, должны использоваться процедуры посредничества или медиации и иные средства, направленные на участие в принятии решений в процессе применения права самих граждан, а не профессионалов.

Частная сфера общественной жизни регулировалась до формирования социального государства через консенсуальные механизмы согласования действий, основанных преимущественно на моральных правилах. При замене позитивным правом общественных регуляторов, основанных на воспроизводстве культуры, неизбежно возникают общественные патологии. Субъекты отношений перестают ориентироваться на взаимопонимание, юридические правила требуют дальнейшей детализации, что связано с бюрократизацией общественной жизни и дальнейшим «разрастанием» права. Отдельный индивид воспринимает мельчающую регламентацию общества как потерю свободы. Также возникает потеря смысла у человека в отношении общественной деятельности, что проявляется в частности в падении легитимности права и отчуждении человека от власти.

Право как основной регулятор современного общества в условиях дальнейшей социальной дифференциации отдалается от иных общественных регуляторов и становится самостоятельной системой. Отдаление позитивного права от иных социальных норм приводит к его формальности и целому ряду негативных явлений, которые препятствуют общественному развитию. Негативные последствия разделения социальных регуляторов проявляются в кризисе легитимности, отчуждении граждан от политико-правовых институтов, избытке правовых норм при одновременном уменьшении их эффективности. Преодолеть указанные социальные патологии современности (термин Ю. Хабермаса) государственная

власть стремится путем идеологического воздействия и экономической политики. Между тем в условиях современного общества этого явно недостаточно, так как многие социальные противоречия возникают в настоящее время не по экономическим причинам, а под воздействием иных социальных факторов. Идеология же также не может преодолеть негативные моменты, связанные с общественным развитием, так как современное общество не обладает единством в понимании ценностей, этот феномен Ж.Ф. Лиотар назвал «недоверием к метанаррациям». В традиционном обществе смысл окружающему миру придавало религиозное понимание мира, которое разделялось всеми субъектами. В процессе общественного развития происходит рационализация общества, религиозные нормы теряют былое значение и в конечном итоге формируется общество с гражданами, придерживающихся различных ценностей, поэтому политика лишь на основе идеологии (например, «национальной идеи») не сможет достичь своей цели. Для эффективного преодоления негативных аспектов общественного развития отечественным правоведам необходимо уйти от целерационального подхода к правовому регулированию, когда граждане рассматриваются, по сути, как объекты, на которые воздействует государственная власть через стимулы и ограничения. При этом упускается главный аспект, без которого невозможно понять причины успеха или провалов правовых реформ — это взаимодействие между субъектами или коммуникация. Отечественное правоведение основано на социологии XIX века, которая не интересовалась социальным коммуникативным взаимодействием, между тем именно коммуникативный аспект объясняет успешность общественного развития и реформ. Для формирования современного понимания правового регулирования следует обратиться к теории коммуникативного действия, соединяющего идеи свободы и формального равенства. Как отмечает Н.А. Бусова, в современной политической и правовой теории существует «легитимация через права человека и легитимация через народный суверенитет». Но появился и третий, объединяющий первые два, подход, который разрабатывается сторонниками дискурсивной теории права, которая сформировалась в рамках коммуникативной теории общества Ю. Хабермаса. Хабермас исходит из взаимосвязи, взаимо-

¹⁶ Прежде всего, в своей главной философско-правовой работе «Фактичность и значимость». См.: Там же. С. 154.

обусловленности этих двух моментов: прав человека и идеи демократии, идеи народного суверенитета¹⁷.

Можно сделать вывод: проблемы, связанные с юридикацией, не означают неизбежность отказа от социальной функции государства и возвращение государству

классического либерализма¹⁸. Правовое регулирование в условиях расширения сферы действия закона требует иных форм легитимации, неизбежным при этом становится потребность в юридических процедурах с участием широкого количества граждан, то есть современное право — неизбежно испытывает потребность в демократических процедурах.

¹⁷ Бусова Н.А. Проблема легитимации правового порядка. URL: http://lawdiss.org.ua/books/065.doc.html#_Тoc51435778

¹⁸ Хайек Ф. Указ. соч.

Литература

1. Беляев М.А. Сверхрегулирование: трудности проблематизации / М.А. Беляев // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 г.) / отв. ред. В.В. Денисенко. Воронеж, 2016.
2. Бусова Н.А. Проблема легитимации правового порядка. URL: http://lawdiss.org.ua/books/065.doc.html#_Тoc51435778
3. Голоскоков А.В. Модернизация российского права / под ред. А.В. Малько. М., 2006.
4. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование / В.В. Денисенко // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–3.
5. Денисенко В.В. Юридикация общества как научная проблема современной правотворческой техники / В.В. Денисенко // Юридическая техника. 2012. № 6.
6. Исаев И.А. Легальность и бюрократия / И.А. Исаев // История государства и права. 2014. № 20.
7. Исаев И.А. Легальность и легитимность в конституционном процессе / И.А. Исаев // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
8. Пиголкин А.С. Законодательная техника / А.С. Пиголкин. М., 2000.
9. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.
10. Luhmann N. Sociological Theory of Law / N. Luhmann. London, Routledge&Kegan Paul, 1985.
11. Habermas J. Between Facts and Norm / J. Habermas. Cambridge, 1996.
12. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2 / J. Habermas. Frankfurt am Main, 1997.

Основные принципы правового государства в трудах отечественных ученых XIX века

*Краснов Эдуард Владимирович,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
adickkrasnov@rambler.ru*

В данной статье предпринимается попытка определить основные принципы правового государства, которые выделяли отечественные ученые XIX века, такие как Сперанский, Новгородцев, Котляревский. Несмотря на то, что сам термин «правовое государство» возник позднее, его основополагающие черты были выведены именно в данный период.

Ключевые слова: правовое государство, конституционное государство, принципы правового государства, принципы конституционного государства.

Main Principles of Law-Governed State in Works of National Scientists of XIX Century

*Krasnov Eduard V,
Teaching Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University
Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State
of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*

In this article, an attempt to define the basic principles of the legal state which distinguished domestic scientific 19th centuries, such as Speransky, Novgorodtsev, Kotlyarevsky is made. In spite of the fact that the term "legal state" arose later, its fundamental lines were removed during this period.

Key words: legal state, constitutional state, principles of the legal state, principles of the constitutional state.

Теория правового государства стала активно разрабатываться отечественными учеными лишь только во второй половине XIX века ей стали. Правда, отдельные принципы правового государства получили свое оформление гораздо раньше, однако выражение их в терминах, которые присущи современности, еще не было осуществлено. Впервые же идея о правовом государстве зародилась в Российской империи в XVIII веке. Ее сформулировал в общем виде Посошков в «Книге о скудости и богатстве», в 1724 году. В 1768 году Десницкий развил эту идею в своей работе «Представления об учреждении законодательной, судительской и наказательной власти в Российской империи». В последующем, значительный вклад в учения о правовом государстве внесли Сперанский, а также такие революционные деятели, как Радищев, Пестель и Муравьев. Отдельные положения теории правового государства разработали Герцен, Огарев и Чернышевский. Несмотря на то,

что они являлись представителями различных социальных групп и имели особые мировоззрения, можно в их трудах увидеть не только различные трактовки того или иного элемента правового государства, но и есть то, что сближает, казалось бы, противоречивые выводы и это общее позволяет сделать вывод, что в конце XIX века теория правового государства сложилась окончательно. Но по смыслу речь шла не просто о правовом государстве, а еще и о социальном государстве. Уже реформы Сперанского в той или иной степени соответствовали политике «социального государства», пусть даже данный термин тогда еще не был введен в научный оборот. В 1803 году Сперанский по поручению В.П. Кочубея пишет «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». В ней он не только еще раз обосновывает тезис о деспотическом характере русского самодержавия, но и называет причины, по которым нельзя надеяться на быстрое

проведение реформ. В теоретической части Сперанский перечисляет все признаки «правильной монархии» — наилучшей, в его представлении, формы правления. К ним относятся: разделение властей, государственный закон (конституция), уложение (гражданский и уголовный кодексы), законодательное собрание, ответственность министров, общественное мнение, свобода печати, гласность, просвещение и т.д. Ничего этого в России нет. Номинальное существование таких учреждений, как Совет, Сенат и министерства, ситуации не меняет, так как ни одно из них не имеет ни «*собственной политической силы*», ни законодательной инициативы, ни даже разграничения функций¹. «Все различие состоит только в разности канцелярского обряда, но нет нужды доказывать сколь различие сие маловажно»².

Гораздо более полное и углубленное понимание идей о правовом государстве высказали ученые в области теории и философии права. К примеру, Коркунов призывал к тому, чтобы ввести правовое ограничение государств в интересах отдельных личностей, а также во имя их прав на свободу.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что уже приведенные выше ученые, наряду с такими деятелями науки, как Палиенко и Котляревский, связывали будущее страны с идеей о конституционализме. Причем данную идею они преподносили как одно из главных условий для того, чтобы построить правовое государство, в котором преобладает во всех сферах общественной жизни.

На протяжении второй половины XIX — начале XX вв. идея о конституционализме находила выражение не только в трудах ученых, но и в разработке некоторых государственных законов, направленных на смягчение существующих порядков в обществе. В качестве примера можно привести тот факт, что проект первой конституции был подготовлен еще в 1881 году, но из-за убийства императора Александра II он не был официально принят.

В то же время многие ученые, анализируя происходящие в то времена изменения, считали, что конституционное государство является лишь прообразом правового³.

В целом же, несмотря на не самую стабильную обстановку в стране и на международную арене, а также учитывая социально-экономические потрясения, сопровождающие данный временной отрезок, основополагающие идеи о правовом государстве неуклонно развивались.

Известный профессор Московского университета Павел Новгородцев усматривал в правовом государстве воплощение общественного идеала. Его нравственным источником выступало «стремление к единому и обязательному для всех правовому порядку», осознание абсолютной ценности личности. На его взгляд, с конца XIX века, когда правовое государство вступило на путь социальных реформ, оно стало постепенно лишаться своего прежнего величия. В данных условиях все чаще и чаще стали слышны заявления об ограниченности своих сил, помимо этого государство стало все больше взывать к нравственным факторам, таким как: воздействие общественного мнения, благотворное влияние воспитания, деятельность частных обществ и организаций. Целью нового, образующегося государства, на его взгляд, является превращение сословного общества в общество гражданское, которое должно быть построено на началах равной правоспособности. А самым важным принципом правового государства он видит сочетание личных, групповых, классовых интересов во имя общего блага.

Принцип же народовластия, на взгляд ученого, состоит не в том, чтобы народ фактически все решал и делал сам или за всем надзирал, а лишь в том, чтобы юридически всех от него исходило, чтобы, не будучи законодателем фактическим, он оставался «дремлющим законодателем», за которым сохраняется суверенитет и юридическая возможность проявлять свои верховные права через органы своей воли. А тем механизмом, который будет воплощать в жизнь инициативу, исходящую от народа, по его мнению, будет являться институт народного представительства.

Интересным представляется точка зрения Сергея Андреевича Котляревского, ко-

¹ Сперанский М.М. Избранное / М.М. Сперанский; сост., автор вступит. ст. и коммент. В.С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). С. 31–32.

² Там же. С. 275.

³ Шелистов Ю.В. Становление правового государства в Российской Федерации. М.: Директ-медиа Паблишинг, 2004. С. 120–121.

торый в противовес Новгородцеву возражал против отождествления правового государства с государством конституционным. Он считал, что конституционный строй выступает лишь необходимой предпосылкой для самого правового государства. В качестве принципов правового государства он называет «верховенство закона» и «ответственность». При этом ответственность он связывает с актами государственного властвования, то есть такую ответственность, которая постепенно расширяется и углубляется. Правовая организация государства требует «действительной ответственности должностных лиц и правильно поставленной административной юстиции». Государство как субъект права признает и других субъектов права, «ставит перед законодателем определенную заповедь — уважение к правовой личности всякого члена государственного целого и союза этих членов». Также он выделяет и такие принципы правового государства, как обеспечение свободы и равенства граждан, их социальную защиту, право на достойное существование, воплощение справедливости.

На взгляд автора, смысл верховенства закона в государстве оправдан лишь тогда, когда данный закон справедлив и способ его создания обеспечивает справедливость. В этом случае происходит соответствие закона праву. Следует отметить, что это — то мерило права, без которого еще Сократ не видел правового государства.

Стоит заметить, что взгляды ученых того времени содержали в себе довольно четкую структуру правового государства. Более того, для той эпохи данная структура была достаточно эффективной. Но, с точки зрения принципов правового государства, она требует изменений. В настоящее время в нашем государстве идет процесс выстраивания новых социальных отношений, нового государства. Принципы же, как основополагающие начала любого правового государства, в первую очередь, основываются на практике. Более того, до определенного этапа они остаются постоянными, но по мере развития культуры, экономики, возникает необходимость в формулировании новых принципов, отвечающих современным условиям.

Литература

1. Сперанский М.М. Избранное / М.М. Сперанский; сост., автор вступит. ст. и коммент. В.С. Парсамов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
2. Шелистов Ю.В. Становление правового государства в Российской Федерации / Ю.В. Шелистов. М.: Директмедиа Паблишинг, 2004. 107 с.

Некоторые аспекты организации и проведения выборов в России, Франции и Соединенных Штатах Америки в XVIII в.

*Бицоев Георгий Тамерланович,
аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
bitsoev1@mail.ru*

В статье анализируется правовое регулирование организации и проведения выборов в России, Франции и Соединенных Штатах Америки в XVIII веке, а также правовое регулирование деятельности учреждений, осуществлявших соответствующие полномочия. Выявляются основные тенденции, характерные для развития таких учреждений во всех рассматриваемых государствах на данном историческом этапе. Указываются особенные черты в развитии избирательных систем рассматриваемых государств в целом и особенные черты в развитии учреждений, осуществлявших организацию и проведение выборов в данных государствах в частности.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, организация и проведение выборов, Россия, Франция, Соединенные Штаты Америки, XVIII век.

Some Aspects of Preparation and Holding of Elections in Russia, France and the United States of America in XVIII Century

*Bitsoev Georgy T.,
Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

The article examines the legal regulation of the organization and conduct of elections in Russia, France and the United States of America in the XVIII century and the legal regulation of the activities of institutions that exercised appropriate authorities. The article identifies the main trends in the development of such institutions in all mentioned countries at this historical stage. The article specifies special features in the development of electoral systems of the mentioned countries and special features in the development of institutions that conducted the organization and conduct of elections in these countries in particular.

Key words: elections, electoral system, organization and conduct of elections, Russia, France, the United States of America, XVIII century.

Выборы в большинстве периодов истории человечества играли очень важную роль в общественном развитии, в государственном и политическом строительстве, в разрешении различных социальных конфликтов. Соответственно, большое внимание уделялось учреждениям, занимавшимся организацией, подготовкой и непосредственным проведением выборов, так как от качества работы таких учреждений в итоге зависел (и зависит) окончательный результат выборов. В этой статье мы проанализируем развитие данных учреждений в России, Франции и Соединенных Штатах Америки в XVIII веке с целью выяснения основных тенденций, характерных для развития соответствующих учреждений в указанных государствах на данном историческом этапе, а также для освещения отдельных особенностей, им присущих.

XVIII век для России, как для и многих европейских государств, являлся периодом становления абсолютизма. Петром I в 1699 г. проводится городская реформа, в соответствии с которой в городах создавались земские избы, состоявшие из бурмистров — выборных должностных лиц, отвечавших за сбор прямых податей и косвенных сборов¹. Они избирались ежегодно из числа жителей посада, служилых людей, торговцев. Среди бурмистров каждый месяц избирался президент. Избирательный процесс строился на основе самоорганизации избирателей. Они сами организовывали выборы бурмистров и сами осуществляли все необходимые избирательные процедуры. Общий контроль за

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. III. Ст. 1675.

проведением выборов был возложен на Бурмистрскую палату².

Более детальная регламентация избирательного процесса начинается с выборов депутатов Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, которая была создана в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 14 декабря 1766 г.³ Данный указ и приложения к нему (Обряды выборов) регулировали порядок выборов как на общегосударственном, так и на местном уровне, и унифицировали избирательный процесс на всей территории государства. Организующую роль при проведении выборов выполняли следующие органы и должностные лица: Сенат, осуществлявший полномочия по регистрации депутатов, а также являвшийся высшей инстанцией по рассмотрению и разрешению избирательных споров; губернаторы, осуществлявшие рассылку указов и информирование избирателей. Непосредственно организацией выборов в дворянском сословии руководил: «избираемый предварительно, под наблюдением губернатора или его заместителя, предводитель дворянства; городскими выборами — также выбиравшийся предварительно, под контролем администрации, городской голова. Выборами депутата от земледельческого населения местные власти распоряжались всецело»⁴. То есть фактически непосредственные организационные полномочия в сфере выборов осуществляли органы и должностные лица, правовая природа и функции которых имели организационно-распорядительный характер. Данные органы и должностные лица в частности: назначали даты голосования, обнародовали акты, составляли списки избирателей и избирательные протоколы.

Нижним звеном в организации выборов были старосты (посадские, градские и др.). В зависимости от уровня выборов они могли быть: «как исполнителями распоряжений администрации более высокого уровня, так и властными органами, например, при выборах органов сельского самоуправления»⁵.

² Там же. Ст. 1674.

³ Там же. Т. XVII. Ст. 12801.

⁴ Кудряшов П. Отношение населения к выборам в Екатерининскую комиссию // Институт выборов в истории России. М.: НОРМА, 2001. С. 314.

⁵ Савченко М.С., Кудрякова Д.В. Генезис избирательных органов в дореволюционной России // Общество и право. 2012. № 1. С. 26.

Период первой половины XVIII века во Франции не характеризуется какими-либо существенными изменениями в регулировании института выборов по сравнению с периодом XV–XVII вв., в то время как вторая половина XVIII века, ознаменованная Великой французской революцией, повлекла за собой существенное изменение правового регулирования института выборов, а также изменение правового регулирования деятельности органов, осуществлявших их организацию и проведение, что было обусловлено коренным изменением устоев государственной и общественной жизни, становлением республиканской формы правления.

Острый внутривластный кризис второй половины XVIII в. вынудил короля Франции Людовика XVI созвать Генеральные штаты, не собиравшиеся к тому моменту 175 лет (с 1614 г.) для решения неотложных вопросов государственного устройства и управления, стоявших перед страной. Процесс выборов данного органа был озаглавлен борьбой усилившегося третьего сословия за увеличение своего представительства по сравнению с дворянством и духовенством, что отражало бы реальный расклад политических сил во Франции того периода.

Организацию и проведение выборов депутатов Генеральных штатов осуществляли в городах мэры, а в сельской местности главные судьи округов и сельские старосты — изменения по сравнению с периодом XV–XVII вв. касались привлечения к организации и проведению выборов, помимо органов и должностных лиц местного управления, также органов и должностных лиц судебной власти. Целью данных изменений являлось, на наш взгляд, стремление законодателя обеспечить соблюдение участниками избирательных правоотношений всех норм, регулирующих избирательный процесс.

В Генеральные штаты 1789 г. были избраны в большинстве своем самые достойные представители соответствующих сословий, мыслящие прогрессивно и настроенные на решительные преобразования. В результате конфронтации с королем и его окружением большая группа депутатов Генеральных штатов 17 июня 1789 г. провозгласила себя Национальным собранием — органом, представляющим интересы всего народа, а не его отдельных сословий, что через некоторое время было признано королем.

Национальное собрание становилось учреждением, правомочным принимать законы и постановления; решать все важные вопросы государственного устройства и политической жизни страны. В ходе дальнейшей деятельности Национального собрания был сформирован его Конституционный комитет, призванный подготовить проект первой Конституции Франции, принятой в 1791 году.

Основой для Конституции Франции 1791 г. служил еще один очень важный правовой акт Великой французской революции — Декларация прав человека и гражданина 1789 г., ст. 6 которой провозглашала избирательные права граждан: «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании»⁶. То есть государство впервые признавало за каждым отдельным гражданином, а не как было ранее — за сословием либо территорией право участия в политической жизни государства как одно из наиболее важных и неотъемлемых прав.

Претерпела изменение и система делегирования представителей в высший законодательный орган по сравнению с существовавшей до революции, при формировании Генеральных штатов. В соответствии с Декретом от 22 декабря 1789 г. и Конституцией Франции 1791 г. было отменено деление Франции на баляжи и сенешальства, и избрание всех представителей в Национальное собрание стало осуществляться в департаментах — самых крупных единицах административно-территориального устройства государства⁷. Кроме того, Конституцией 1791 г. была введена единая для всех категорий населения двухступенчатая система выборов, применявшаяся при избрании органов власти и должностных лиц всех уровней. На первом этапе в каждом кантоне проводились первичные собрания, в которых участвовали граждане, обладавшие активным избирательным правом. Они избирали выборщиков из расчета: один выборщик на сто граждан. На втором этапе выборщики собирались в главных городах департаментов и избирали депутатов Национального собрания либо депутатов регио-

нальных представительных органов, иных должностных лиц (мэров городов и т.д.).

Непосредственная организация и проведение выборов всех уровней Конституцией 1791 г. были возложены на органы и соответствующих должностных лиц местного управления, что соответствовало практике, сложившейся в предыдущие исторические периоды. При этом устанавливалось, что «при бездействии местных властей граждане могли самостоятельно собраться и провести выборы»⁸. То есть законодатель оставлял гражданам определенную возможность для самоорганизации при осуществлении отдельных избирательных действий, в чем проявлялся, по нашему мнению, общий демократический дух Конституции 1791 г.

Дальнейшее развитие революционных событий привело к последовательному применению Конституций 1793 и 1795 гг. Они имели разный характер — Конституция 1793 г. отражала идеи левого лагеря революционного движения — отмену имущественных цензов для избирателей, различных должностных ограничений для кандидатов и введение прямых выборов большинства органов власти и должностных лиц. Конституция 1795 г. носила компромиссный характер и была призвана сгладить противоречия между крайне левыми и монархистами. Возвращались многие нормы Конституции 1791 г. — в частности, о двухступенчатых выборах и имущественных цензах для избирателей⁹.

При всех отличиях, Конституции 1793 и 1795 гг. содержали идентичные нормы в отношении органов, занимавшихся организацией и проведением выборов, и в этом плане они сильно отличались от Конституции 1791 г. Указанные конституции признавали органами, специализировавшимися в сфере избирательного процесса, прообразы будущих избирательных комиссий — своеобразные органы самоорганизации избирателей от участкового до национального уровней, которые при этом к государственным либо местным органам власти никакого отношения, по нашему мнению, не имели.

После войны английских колоний в Северной Америке с Великобританией за независимость в 1775–1783 гг. происходит формирование нового государства — Сое-

⁶ Документы истории Великой французской революции: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Адо; А.В. Адо, Н.Н. Наумова, Л.А. Пименова и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 112.

⁷ См.: Там же. С. 68.

⁸ Очерки по истории выборов и избирательного права, 2002. С. 301.

⁹ Очерки по истории выборов и избирательного права, 2002. С. 311.

диненных Штатов Америки. Политическая и правовая системы данного государства впервые в мировой истории были основаны на естественно-правовой доктрине, для которой характерно провозглашение прав и свобод личности основной ценностью, обуславливающей построение всей системы общественных отношений. Основопологающими актами, в которых идеи естественного права нашли свое отражение, являются Декларация независимости США 1776 г. и Конституция США 1787 г. Так, Декларация независимости США 1776 г. провозглашает важную применительно и к избирательным правоотношениям идею о социальном и политическом равноправии всех членов общества: «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых»¹⁰.

Конституция США 1787 г. в своем первоначальном варианте устанавливала доволно демократичные для своего времени нормы, касавшиеся избирательных правоотношений — в частности, по цензам (имущественным, оседлости и др.) для избирателей и кандидатов; по нормам представительства от различных территорий при формировании Палаты представителей Конгресса США — вводилась единая норма представительства на всей территории США (один представитель от каждых 30 тыс. избирателей)¹¹.

Изначально выборными органами по Конституции США являлись только нижняя палата Конгресса США — палата представителей и президент США. Верхняя палата Конгресса США — Сенат — формировался законодательными актами штатов. Нормы, касавшиеся непосредственной организации и проведения федеральных выборов, устанавливались отдельными штатами. В Конституции же содержались только самые общие положения. Например, в отношении выборов в Пала-

ту представителей Конституция закрепляла следующее: «Избиратели в каждом из штатов должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям наиболее многочисленной палаты законодательного штата»¹².

Выборы в Палату представителей, в отличие от президентских, были прямыми. Имущественного ценза для кандидатов не было. Устанавливался только возрастной ценз в 25 лет, а также требовалось нахождение в американском гражданстве сроком не менее 7 лет¹³. Согласно нормам Конституции каждые два года в нижней палате Конгресса производилась ротация ее состава.

Выборы президента США являлись и до настоящего времени являются косвенными. Сам механизм избрания в своей основе остался неизменным с момента проведения первых выборов. На первом этапе происходит формирование коллегий выборщиков, которые в дальнейшем и осуществляют избрание президента. Но если сейчас коллегии выборщиков в подавляющем большинстве штатов (в 48 из 50) формируются в соответствии с результатами голосования избирателей за кандидатов в президенты от демократической либо республиканской партии, то изначально существовало несколько способов формирования коллегий выборщиков: избрание законодательными собраниями штатов, избрание всеобщим голосованием избирателей каждого штата, выборы по избирательным округам внутри штатов¹⁴.

На втором этапе, после формирования коллегии выборщиков в каждом штате производилось их совместное голосование. Они подавали бюллетени за двух лиц, которые не должны были быть жителями одного штата¹⁵. После окончания процедуры голосования составлялся протокол, в котором указывались все кандидаты, за которых выборщики голосовали, а также количество голосов, поданное за каждого кандидата. В дальнейшем протокол подписывался всеми выборщиками, удостоверялся, опечатывался и направлялся председателю Сената, которым по Конституции являлся действующий вице-президент. Он, в свою очередь,

¹⁰ Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 25.

¹¹ Конституция Соединенных Штатов (1787 г.). Статьи в дополнение и изменение Конституции // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 29–30.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ Там же. С. 264.

¹⁵ Конституция Соединенных Штатов (1787 г.). Статьи в дополнение и изменение Конституции. С. 29.

на совместном заседании палат Конгресса распечатывал все полученные протоколы и производил подсчет голосов. Для победы кандидату необходимо было получить простое большинство голосов выборщиков. Кандидат, занявший второе место, становился вице-президентом¹⁶.

Конституция США изначально не содержала и в настоящее время не содержит положений, касающихся органов, уполномоченных заниматься организацией и проведением выборов как федерального уровня, так и уровня штатов и муниципалитетов. Данный вопрос был отнесен к ведению штатов, и в рассматриваемый период во всех штатах большинство полномочий по организации и проведению выборов всех уровней осуществляли органы и должностные лица местного самоуправления. Некоторые полномочия (рассылка избирательной документации, ее хранение) осуществлялись также органами и должностными лицами исполнительной власти. Рассматривали и разрешали избирательные споры суды.

Таким образом, в XVIII в. во всех рассматриваемых государствах происходило значительное по масштабам развитие из-

бирательных правоотношений. Совершенствовалась и становилась более детальной правовая регламентация осуществления различных избирательных процедур.

В XVIII в. в России и США полномочия по организации и проведению выборов всех уровней осуществлялись органами власти исполнительно-распорядительного характера — органами местного управления и органами исполнительной власти. Во Франции в силу событий Великой французской революции произошел возврат к идее самоорганизации избирателей — Конституции 1793 и 1795 гг. предусматривали создание от участкового до национального уровней общественных органов, состоявших из самих избирателей и осуществлявших большинство полномочий по организации и проведению выборов всех уровней. В некоторой степени данные органы можно считать, по нашему мнению, прообразами будущих избирательных комиссий.

Кроме того, по сравнению с периодом XV–XVII вв., в XVIII в. более значительную роль в рассмотрении и разрешении избирательных споров начали играть органы судебной власти, что, в первую очередь, было характерно для США и в меньшей степени для России и Франции.

¹⁶ Там же. С. 35–36.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. III. Ст. 1674, 1675.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12801.
3. Документы истории Великой французской революции: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Адо; А.В. Адо, Н.Н. Наумова, Л.А. Пименова и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 528 с.
4. Кудряшов П. Отношение населения к выборам в Екатерининскую комиссию / П. Кудряшов // Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX вв. М.: НОРМА, 2001. С. 307–334.
5. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Богодаровой. Калуга: Калужский областной фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002. 692 с.
6. Савченко М.С., Кудрякова Д.В. Генезис избирательных органов в дореволюционной России / М.С. Савченко, Д.В. Кудрякова // Общество и право. 2012. № 1. С. 25–27.
7. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / пер. с англ.; сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М.: Прогресс; Универс, 1993. 768 с.

Денежные реформы и валютное регулирование в СССР (послевоенный период)

*Кучеров Илья Ильич,
заместитель директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
prof.kucheroff@mail.ru*

Автор проводит анализ денежных реформ, которые были проведены в СССР в период с 1945 по 1991 гг., а также порядка осуществления валютного регулирования в этот период. В статье рассмотрены основные нормативные правовые акты, которые регулировали эти процессы.

Ключевые слова: денежные реформы, валютное регулирование, денежная система СССР, валютные ценности, ответственность за нарушения валютного законодательства.

Monetary Reforms and Foreign Exchange Regulation in the USSR (Post-War Period)

*Kucherov Ilya I.,
Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation*

The author analyzes the monetary reforms performed in the USSR from 1945 to 1991 and the foreign exchange regulation procedure in this period. The article reviews the main enactments regulating these processes.

Key words: monetary reforms, foreign exchange regulation, monetary system of the USSR, foreign exchange assets, liability for violation of foreign exchange legislation.

В предвоенные годы в результате проведения ряда реформ в СССР удалось организовать достаточно стабильным денежное обращение, которое вполне удовлетворяло потребности народного хозяйства. Более того, советская денежная система выдержала и тяжелые испытания войны 1941–1945 гг. несмотря на все многочисленные проблемы, в том числе экономического характера. И хотя за этот период имело место существенное понижение покупательной силы рубля, коренная перестройка денежного обращения в целом не требовалась. Тем не менее действовавшая в военный период карточная система в сочетании со стихийным «черным рынком» создали условия для возникновения значительных не контролируемых государством товарно-денежных потоков. К тому же на оккупированных советских территориях выпускались в значительном количестве фальшивые деньги. В этой связи одной из главных задач ликвидации последствий войны в сфере денежного обращения явилось устранение излишка денег, образовавшегося у отдельных слоев

населения, и приведение денежной массы в соответствие с нормальными потребностями мирного хозяйственного оборота¹.

Соответствующие преобразования были проведены в рамках денежной реформы, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»². В данном нормативном правовом акте отмечалось, что «Великая Отечественная война потребовала напряжения всех сил советского народа и мобилизации всех материальных ресурсов страны... В результате всего этого в обращении оказалось значительно больше денег, чем это нужно для народного хозяйства, покупательная сила денег понизилась, и теперь требуются специальные меропри-

¹ См.: Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы / сост.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М., 2010. С. 11–12.

² СП СССР. 1948. № 1. Ст. 1.

ятия по укреплению советского рубля... Теперь, когда на очередь встала задача перехода к открытой торговле по единым ценам, большое количество выпущенных во время войны денег препятствует отмене карточной системы, так как излишние деньги в обращении взвинчивают рыночные цены, создают преувеличенный спрос на товары и облегчают возможность спекуляции. Нельзя также допустить, чтобы спекулятивные элементы, нажившиеся в период войны и накопившие значительные суммы денег, получили возможность скупать товары после отмены карточной системы». Одним из основных условий денежной реформы являлся обмен обращавшихся ранее и находящихся на руках наличных денег на новые денежные знаки, исходя из расчета десять рублей в старых деньгах на один рубль в новых деньгах. При этом, правда, оговаривалось, что денежные вклады в сберегательных кассах и государственном банке должны были переоцениваться на более льготных условиях, чем обмен наличных денег. Так, вклады в размере до трех тысяч рублей переоценивались в соотношении один к одному. Одновременно предусматривалась конверсия всех ранее выпущенных государственных займов. Соответствующие облигации (кроме облигаций займа 1947 года) объединялись в единый заем, причем обмен производился по соотношению три рубля в облигациях прежних займов на один рубль в облигациях нового займа, т.е. по более льготному курсу, чем тот, который предусматривался для обмена наличных денежных знаков. При проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, а также доходы крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения выплачивались уже новыми денежными знаками. Одновременно с проведением денежной реформы осуществлена отмена карточной системы на продовольственные и промышленные товары, отменены высокие коммерческие цены и начата продажа товаров по единым государственным ценам. Предполагалось, что в результате денежной реформы население вместо ныне обращающегося рубля с пониженной покупательной способностью получит полноценный рубль.

В Инструкции Министерства финансов СССР о порядке проведения денежной реформы, утвержденной постановлением Совета министров СССР от 14 декабря 1947 г., определялось, что в обращение выпускают-

ся новые деньги, включая билеты Государственного банка СССР достоинством в 10, 25, 50 и 100 рублей, а также государственные казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей. Заложенные в основу денежной реформы идеи изначально предполагали конфискационный характер предусмотренных ею мероприятий по отношению к населению. Выпуск в обращение денежных знаков нового образца начат 16 декабря 1947 г. При этом обмен денег на всей территории СССР должен был быть произведен в недельный срок. Обмену подлежала вся денежная наличность, находящаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов. Деньги старого образца, не предъявленные к обмену в установленный срок, аннулировались и утрачивали свою платежную силу. Примечательно, что разменная монета обмену не подлежала и была оставлена в обращении по своему номиналу. По вкладам населения размером до 10 тыс. рублей включительно во вклад без изменения номинальной суммы зачислялось 3 тыс. рублей, а остальная часть вклада переоценивалась из расчета два рубля новых денег за три рубля старых денег. По более высоким вкладам переоценка осуществлялась на основе еще менее выгодной пропорции — один рубль новых денег за два рубля старых денег. При этом денежные средства, находящиеся на расчетных и текущих счетах кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов, переоценивались по льготному курсу из расчета четыре новых рубля за пять рублей старых денег.

Непосредственная подготовка и реализация денежной реформы сопровождалась многочисленными нарушениями, в значительной степени обусловленными несправедливостью ее условий. Подобное противодействие подавлялось жесткими мерами уголовной репрессии. В секретных докладах Министерства внутренних дел СССР в этой связи сообщалось, что «продолжают поступать данные о новых фактах злоупотреблений со стороны работников торговли и финансовых органов, выражающихся в укрытии от учета продовольственных и промышленных товаров с целью перепродажи их на деньги нового образца, а также в незаконном приеме денежных вкладов после опубликования постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) о денежной реформе... Осуществляя мероприятия

по борьбе со злоупотреблениями в связи с проведением денежной реформы и отменной карточной системы, органы МВД в период с 16 по 31 декабря возбудили 7 310 дел о преступлениях, связанных с изъятием работниками торговли товарно-материальных ценностей из государственных и кооперативных организаций и внесением их стоимости в кассы этих организаций личными деньгами, а также с незаконным оформлением денежных вкладов работниками финансовых органов. По этим делам привлечено к уголовной ответственности 4 459 человек, из них арестован 2 721 человек»³.

Невзирая на различные проблемы и многочисленные издержки, основные замыслы денежной реформы в целом удалось реализовать, что, безусловно, способствовало оздоровлению денежного обращения в СССР. Как отмечает В.М. Батырев, «денежная реформа, проводившаяся при широкой поддержке трудящихся, послужила серьезным фактором усиления роли денег в народном хозяйстве. Денежная реформа позволила отменить карточную систему и вновь превратить денежную заработную плату в основной инструмент, ставящий размеры личного потребления в зависимость от количества и качества труда... Денежная реформа 1947 г. не означала коренной перестройки денежной системы. В отличие от денежной реформы 1922–1924 гг. реформа 1947 г. внесла лишь некоторые частные изменения в денежную систему. Так, была устранена формальная двойственность денежной единицы, существовавшая со времени проведения предыдущей денежной реформы, поскольку банковские билеты выпускались в червонцах, а казначейские билеты — в рублях. При сохранении различных видов знаков — банковских и казначейских билетов эти знаки после реформы 1947 г. стали выпускаться в единой денежной единице — в рублях. В результате... наша денежная система укрепилась, была полностью восстановлена и освобождена от нарушающих ее действие факторов, возникших в результате войны и ее последствий в народном хозяйстве»⁴. В этот

период специалисты отмечали, что «советские деньги в отличие от денег в капиталистических странах не являются выразителями стихийных эксплуататорских отношений капиталистического общества, а представляют собой совершенно новую экономическую категорию, свойственную новому общественному строю. Советские деньги функционируют на принципиально иной основе — на основе планового производства и обращения товаров; они выражают новые социалистические производственные отношения и являются необходимой формой проявления закона стоимости, действующего в социалистической экономике в преобразованном виде»⁵.

Следующий этап в развитии советской денежной системы следует связывать уже с денежной реформой 1961 г. В соответствии с постановлением Совмина СССР от 4 мая 1960 г. № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами»⁶ был осуществлен выпуск в обращение денежных билетов и разменной монеты нового образца. В частности, с 1 января 1961 г. в обращение поступили денежные билеты достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей и разменная монета в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20 копеек, а также монеты достоинством в 50 копеек. При этом бумажные денежные знаки образца 1947 г. и серебряная, никелевая, медная и бронзовая монеты, выпущенные с 1921 г., изымались из обращения и подлежали обмену на новые денежные билеты и монету по соотношению 10 рублей в деньгах старого образца на 1 рубль в новых деньгах. Официально денежная реформа предполагала лишь деноминацию денежных знаков. Однако главной ее целью являлось изменение золотого содержания рубля, стремление повысить его международный авторитет посредством номинального повышения золотого содержания (с 0,222 до 0,987 г). В результате рубль формально стал «тяжелее» доллара США, поскольку через золотое содержание 1 доллару стало соответствовать 90 копеек. Однако реально советская валюта, являвшаяся замкнутой, была девальвирована более, чем в два раза⁷.

³ См.: Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 390–395.

⁴ См.: Батырев В.М. Денежное обращение в СССР (вопросы теории, организации и планирования). М., 1959. С. 139.

⁵ См.: Гусаков А.Д., Дымшиц И.А. Денежное обращение и кредит СССР. М., 1951. С. 9.

⁶ СП СССР. 1960. № 10. Ст. 69.

⁷ См.: Белоусов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. Российские денежные реформы. Монография. М.: Изд-во «Дашков и Ко», 2014. С. 205.

В этой связи отмечалось, что «советская валюта ни в коей мере не зависит от валют капиталистических государств. Эта независимость гарантируется наличием в Советском государстве монополии и внешней торговли, запрещением свободного обращения иностранной валюты в СССР, сосредоточением всех валютных операций в Государственном банке и плановым установлением валютного курса советского рубля»⁸.

Данная реформа, хотя и в меньшей степени, также носила конфискационный характер. Население предвительно было уведомлено о предстоящей денежной реформе, однако обмен денежных знаков старого образца на новые деньги производится лишь в течение первого квартала 1961 г. исключительно через обменные пункты, открываемые учреждениями Госбанка СССР. Этим же периодом ограничивался прием денег старого образца государственными, кооперативными и общественными предприятиями, организациями, учреждениями и отдельными лицами во все виды платежей, а также банками и сберегательными кассами для зачисления во вклады и на текущие, расчетные счета без всяких ограничений. В сберегательных кассах и учреждениях Госбанка СССР произведен соответствующий пересчет вкладов населения. Из расчета одной десятой нарицательной стоимости произведен пересчет всех оптовых, расчетных и розничных цен на товары и работы, тарифов на услуги, закупочных и сдаточных цен на сельскохозяйственные продукты, а также надбавок, наценок и скидок, установленных в твердых суммах исходя из нового масштаба цен. Обращалось внимание на большое народнохозяйственное значение проводимых мероприятий в области денежного обращения. При этом все советские и хозяйственные органы призывались обеспечить точное и полное соблюдение установленного порядка пересчета цен, доходов и сбережений населения, обмена денег с тем, чтобы были соблюдены интересы населения и государства. Указывалось на необходимость широкого разъяснения населению значения проводимых мероприятий по дальнейшему совершенствованию советской денежной системы, имеющих важное значение для укрепления хозяйственного расчета, еще большего внедрения бережливости во всей хозяйственной деятельности,

повышения покупательной способности советского рубля и тем самым для дальнейшего развития социалистической экономики нашей страны.

Следует заметить, что в течение последующих почти трех десятков лет денежное обращение в СССР являлось достаточно стабильным. В значительной степени это обеспечивалось тем, что функционирование денежной системы осуществлялось строго на плановых началах. Так, выпуск денег в обращение производился исключительно в соответствии с потребностями хозяйственного оборота страны, а организация денежного обращения была всецело подчинена государственному плану социального и экономического развития, который составлялся Госпланом СССР совместно с советами министров союзных республик, Министерством финансов СССР и Госбанком СССР, утверждался Советом Министров СССР. При его составлении во внимание принимался состав денежных доходов и расходов населения, объем розничного товарооборота и оказания платных услуг, иные экономические показатели. Таким образом, баланс доходов и расходов населения фактически составлял основу для планирования наличного денежного обращения. В качестве специальных финансово-плановых актов, позволявших оперативно регулировать денежное обращение, служили так называемые кассовые планы, которые составлялись всеми отделениями Госбанка СССР. В этих планах отражался объем и источники поступления денежных средств в кассы банков, а также размер и целевое назначение их выдачи. Госбанк СССР осуществлял систематический контроль за соблюдением правил хранения, расходования и обращения наличных денег предприятиями, учреждениями и организациями⁹.

Для проводимой в этой время советской валютной политики характерной являлась исключительно широкая трактовка категории валютных ценностей и установление жестких ограничений на их оборот. В соответствии с Перечнем валютных ценностей, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. «О сделках с валютными ценностями на территории СССР»¹⁰, к валютным ценно-

⁸ См.: Гусаков А.Д., Дымшиц И.А. Указ. соч. С. 18.

⁹ См.: Долгополова Е.А. Основные тенденции развития денежного обращения 1985–2005 гг. // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 24–26.

¹⁰ Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 577.

стям были отнесены: иностранная валюта, платежные документы и фондовые ценности в иностранной валюте, банковские платежные документы в рублях (чеки), приобретаемые за иностранную валюту с правом обращения их в такую валюту, драгоценные металлы и металлы платиновой группы в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий, а также драгоценные камни в сыром и обработанном виде, за исключением ювелирных и бытовых изделий. Все перечисленные выше предметы фактически полностью были ограничены в частном обороте. К примеру, гражданам разрешалось совершать сделки с валютными ценностями лишь по договорам дарения, да и то исключительно в отношении близких родственников, а также при наследовании.

Необходимость сохранения столь жесткого валютно-правового режима обусловила введение крайне суровых мер уголовной ответственности в отношении нарушителей валютного законодательства. Не случайно подобные преступления относились к разряду преступлений, посягающих на государственную собственность. В соответствии со ст. 88 УК РСФСР уголовно наказуемым признавались скупка, продажа, обмен или использование в качестве средства платежа иностранной валюты, платежных документов в иностранной валюте и банковских платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту, а также спекуляция этими ценностями, при условии, что стоимость предмета незаконной операции превышала двадцать пять рублей. В частности, спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным за подобные действия, наказывались лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет, или без ссылки, или смертной казнью с конфискацией имущества. Эта статья получила достаточно широкое применение на практике. Известно, что несколько лиц, виновных в совершении данного преступления, были приговорены к высшей мере наказания — смертной казни, и приговоры приведены в исполнение. Подобная жестокость, проявленная властью в отношении валютных спекулянтов, была вполне объяснима, поскольку они фактически формировали «черный» валютный рынок. В постановлении Пленума Верховного

Суда СССР от 18 апреля 1980 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях»¹¹ указывалось, что «нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями посягают на валютную монополию Советского государства». Лишь только в 1984 г. смертная казнь как мера наказания за преступное нарушение правил о валютных операциях была отменена.

Спустя некоторое время обозначилось относительное смягчение валютного регулирования. На это, во всяком случае, указывает тот факт, что в 1986–1987 гг. советским предприятиям и объединениям было позволено устанавливать прямые связи с иностранными партнерами из государств, являющихся членами Совета экономической взаимопомощи. При этом часть полученной иностранной валюты оставалась у экспортеров, а часть в виде так называемых валютных отчислений поступала в распоряжение государства. В русле этих изменений была скорректирована и политика валютного курса. В целях усиления экономической заинтересованности и ответственности предприятий и организаций за результаты внешнеэкономической деятельности, стимулирования экспорта и рационализации импорта, создания эффективного механизма перераспределения валютных ресурсов страны, осуществления практических шагов в направлении конвертируемости рубля в условиях перехода на рыночные отношения с 1 ноября 1990 г. Указом Президента СССР от 26 октября 1990 г. № УП-943 «О введении коммерческого курса рубля к иностранным валютам и мерах по созданию общесоюзного валютного рынка»¹² введен коммерческий курс рубля к иностранным валютам, исходя из соотношения 1,8 рубля за 1 доллар США. Использовать этот курс предписывалось в расчетах по внешнеторговым операциям, иностранным капиталовложениям на территории СССР и советским инвестициям за границей, а также в расчетах неторгового характера, осуществляемых юридическими лицами.

Важным моментом в деле развития валютного регулирования является принятие в 1990 г. постановления Совета Министров СССР № 776 «О мерах по формированию общесоюзного валютного рынка»¹³. Этот нор-

¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1980. № 3.

¹² Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 44. Ст. 945.

¹³ СП СССР. 1990. № 19. Ст. 99.

мативный правовой акт, как указано в его преамбуле, был принят «в целях развития рыночных отношений в валютной сфере, преодоления узких рамок принципа валютной самокупаемости, расширения доступа к валютным ресурсам для всех предприятий и организаций, осуществления практических шагов в направлении конвертируемости рубля». В частности, всем предприятиям и организациям, являющимся юридическими лицами по советскому законодательству, предоставлялось право продавать и покупать иностранную валюту в обмен на советские рубли по рыночному курсу, складывающемуся на основе текущего соотношения спроса и предложения при совершении на территории СССР валютных сделок в форме межбанковских операций, операций на валютных биржах, аукционах и в других формах, допускаемых законодательством. Признано целесообразным организовать постоянное функционирование Общесоюзной валютной биржи, а также республиканских и региональных валютных бирж, имея которые, они должны были стать центрами по проведению на территории СССР сделок с иностранной валютой (наличных и срочных), заключаемых по рыночному курсу. В целях обеспечения единства денежной системы Советского Союза, проведения скоординированной политики в области регулирования валютного курса рубля общий контроль за проведением межбанковских валютных операций и операций на валютных биржах возлагался на Госбанк СССР.

Тем не менее к началу последнего десятилетия XX века, в силу причин экономического характера, в очередной раз денежное обращение в СССР оказалось расстроеным. В постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 15 марта 1989 г. № 231 «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и укреплению денежного обращения в стране в 1989–1990 гг. и в тринадцатой пятилетке»¹⁴ отмечалось, что диспропорции в экономике и финансах, которые нередко закладывались в планах социально-экономического развития, инерционность затратного механизма оказались столь значительными, что найти пути их полного преодоления в короткие сроки не представилось возможным. Более того, на отдельных направлениях, и прежде всего в сфере финансов и денежного обращения, положение даже ухудшилось. Нарастает дефицит государственного бюд-

жета, продолжается эмиссия денег. Все это привело к переполнению денежного оборота излишними платежными средствами, вызвало напряженность на потребительском рынке и рынке средств производства, усилило инфляционные процессы. В сложившейся ситуации первостепенным было признано оздоровление финансов и укрепление денежного обращения.

Одной из мер, направленных на укрепление денежной системы, явилось прекращение приема к платежу денежных знаков крупного достоинства. Так, в соответствии с Указом Президента СССР от 22 января 1991 г. № УП-1329 «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан»¹⁵ с 0 часов 23 января 1991 г. был прекращен прием во все виды платежей денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и объявлен обмен их на денежные знаки других достоинств и на банкноты 50- и 100-рублевого достоинства образца 1991 года. Обмен денежных знаков образца 1961 г. на денежные знаки другого достоинства производится предприятиями и организациями по решению специальных комиссий только штатным работникам в течение трех дней с 23 по 25 января 1991 г. Для решения вопросов обмена денежных знаков сверх установленных пределов при районных и городских исполкомах создавались депутатские комиссии с участием представителей финансовых, банковских и административных органов. Эти комиссии уполномочивались принимать решения по заявлениям граждан об обмене или отказе в нем по результатам рассмотрения обоснованности и законности источников доходов и получения денежных знаков указанных достоинств. Одновременно введены ограничения выдачи наличных денег со вкладов граждан в учреждениях Сберегательного банка и всех других банков максимальной суммой 500 рублей в месяц. Для обеспечения строгого выполнения мер по обмену и изъятию из обращения упомянутых денежных знаков Госбанку СССР, Минфину СССР и КГБ СССР предписывалось организовать специальные группы сотрудников для направления их в центральные (национальные) банки республик и республиканские банки Госбанка СССР. При этом указанным группам пре-

¹⁴ СП СССР. 1989. № 22. Ст. 69.

¹⁵ Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 5. Ст. 117.

доставлялись чрезвычайные полномочия по контролю вплоть до принятия на себя в случае необходимости непосредственно управления банковскими учреждениями. В очередной раз денежная реформа в СССР проводилась с явно выраженной конфискационной направленностью, поэтому встретила резкое неприятие со стороны самых широких слоев населения.

К этому времени уже политическими изменениями практически было predeterminedено упразднение советской денежной системы. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 г. «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики»¹⁶ Российский республиканский банк Госбанка СССР, а также российские республиканские банки Промстройбанка СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР, Сберегательного банка СССР с их сетью вычислительных центров на территории республики, учреждения Внешэкономбанка СССР на территории РСФСР с их активами и пассивами, а также республиканское управление инкассации с подведомственной ему сетью учреждений и организаций были объявлены собственностью РСФСР. При этом Российский республиканский банк Госбанка СССР преобразован в Государственный банк РСФСР, подотчетный Верховному Совету РСФСР. Из этого следовало, что Госбанк СССР фактически прекратил выполнение своих функций на территории РСФСР. С этого момента фактически берет свое начало постепенное сворачивание советской денежно-кредитной системы.

Завершение советского периода в истории отечественного валютного регулирования приходится на принятие Закона СССР от 1 марта 1991 г. № 1982-1 «О валютном регулировании»¹⁷. Данный законодательный акт определял общие принципы осуществления валютных операций во внутреннем хозяйственном обороте и международных расчетах СССР, полномочия и функции государственных органов в валютном регулировании и управлении валютными ресурсами, права и обязанности советских и иностранных граждан и юридических лиц в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями, направления валютного контроля

и ответственность за нарушение валютного законодательства. Этот законодательный акт исходил из единства валюты, валютной системы и валютной территории СССР, разграничения компетенции Союза ССР и субъектов федерации в сфере валютного регулирования. В развитие положений названного выше законодательного акта Госбанком СССР направлено письмо от 24 мая 1991 г. № 352 «Основные положения о регулировании валютных операций на территории СССР»¹⁸. В частности, им определялась сфера применения иностранной валюты на территории СССР, в том числе и в расчетах между резидентами, устанавливались взаимные права и обязанности банков и клиентуры при проведении валютных операций, определялся порядок открытия и ведения валютных счетов резидентов в иностранных банках за границей, а также валютных и рублевых счетов юридических лиц — нерезидентов в российских уполномоченных банках. Примечательно, что этот документ, который носил нормативно-правовой характер, сохранил свое регулирующее значение на протяжении еще целого ряда лет¹⁹.

Вместе с тем советское валютное регулирование уже не сочеталось с либерализацией внешнеэкономической деятельности на местах. Так, Указом Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР»²⁰ всем российским предприятиям и их объединениям независимо от форм собственности было разрешено осуществление внешнеэкономической, в том числе и посреднической, деятельности без специальной регистрации. При этом валютные операции могли ими осуществляться на основании лицензий, выдаваемых в порядке, устанавливаемом Правительством РСФСР. Банкам, уполномоченным на ведение валютных операций на территории РСФСР, разрешено открыть валютные счета всем юридическим лицам и гражданам. При этом оговаривалось, что иностранная валюта, находящаяся на счетах граждан, выдается по их требованию без каких-либо ограничений и разрешений. Более того, Указом

¹⁶ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 6. Ст. 98.

¹⁷ Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 12. Ст. 316.

¹⁸ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1991. № 12.

¹⁹ Утратило силу на территории Российской Федерации с 18 июня 2004 г. в связи с Указанием Банка России от 15 июня 2004 г. № 1451-У.

²⁰ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1612.

Президента РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 269 «О едином экономическом пространстве РСФСР»²¹ Правительству РСФСР во

взаимодействии с Центральным банком РСФСР уже предписывалось обеспечить режим свободного и беспрепятственного перемещения капитала, всех видов денежных средств, в том числе в иностранной валюте, при соблюдении отдельных ограничений.

²¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1830.

Литература

1. Батырев В.М. Денежное обращение в СССР (вопросы теории, организации и планирования) / В.М. Батырев. М., 1959.
2. Гусаков А.Д., Дымшиц И.А. Денежное обращение и кредит СССР / А.Д. Гусаков, И.А. Дымшиц. М., 1951.
3. Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы / сост.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М., 2010.
4. Долгополова Е.А. Основные тенденции развития денежного обращения 1985–2005 гг. / Е.А. Долгополова // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 24–26.

Расторжение брака в римском и современном семейном праве Российской Федерации

*Кондратенко Зарина Камилевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Марийского государственного университета,
кандидат юридических наук
mati07@rambler.ru*

В статье автор рассматривает правовое регулирование такого института, как расторжение брака в римском и современном праве. Семейные отношения стали предметом правовой мысли еще во времена поиска и становления систематизированных и кодифицированных норм права, в частности, в Древнем Риме. Не потеряли актуальности данные нормы и в настоящее время не только с точки зрения исторического анализа и сравнения, но и как источника современного семейного права и брачных отношений. Влияние римского частного права не только на основные начала гражданского права России, но и на гражданское и семейное российское законодательство очевидно.

Ключевые слова: расторжение брака, римское право, семейные отношения, развод.

Marriage Dissolution in Roman and Contemporary Family Law of the Russian Federation

*Kondratenko Zarina K.,
Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Mari State University
Candidate of Legal Sciences*

In the article, the author considers the legal regulation of such an institution as dissolution of marriage in Roman and modern law. Family relations became the subject of legal thought even in the time of search and formation of systematized and codified rules of law, in Ancient Rome. These norms have not lost their relevance now, and not only from the point of view of historical analysis and comparison, but also as a source of modern family law and marriage relations. The influence of Roman private law not only on the basic principles of civil law in Russia, but also on civil and family Russian legislation is obvious.

Key words: divorce, Roman law, family relations, divorce.

Правовое регулирование расторжения брака в современном семейном праве осуществляется Семейным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об актах гражданского состояния». Расторжение брака (развод) представляет собой юридический акт, прекращающий правовые отношения между супругами на будущее время (за некоторыми изъятиями, предусмотренными законом)¹. В литературе в настоящее время большое внимание уделяется вопросам раздела имущества супругов при расторжении брака, определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, однако зачастую исследования самих оснований расторжения брака, а также процедуры расторжения брака остаются в стороне.

Римский юрист Модестин определял брак как «союз мужчины и женщины, соединение всей жизни, общность божественного и человеческого права»². Указанное определение подразумевает подчинение регулирования брачно-семейных связей правовым нормам двоякого происхождения: как проявление требований «человеческого права» брачный союз подчиняется установлениям гражданского права (в равной степени публичного и частного), как проявление требований «божественного права» брачный союз должен отвечать высшим требованиям морального и религиозного характера, предпосланным человеческому праву. В канонах римской юридической культуры брак не был только частным делом, еще меньше — отношениями только в рамках частного права: люди не властны сами и по собственной прихоти предопределять, каким должен быть брак, чему в нем можно следовать и чего избегать³. В современном же обществе складывается жесткая правовая регуляция семейно-брачных отношений.

Как все земное брак может прекращаться. Хотя церковь принимает брак как союз двух лиц разного пола, продолжающийся даже за пределами земной жизни, она делает

уступки потребностям гражданской жизни, устанавливая различные способы прекращения брака, и таким же образом допускает понятие о его прекращении⁴. Начиная с древнейших времен у исторических народов мира существовали различные виды и формы прекращения брака, отвечающие ценностным основаниям определенных религиозно-правовых традиций.

В Древнем Риме они сводились к трем видам, которые можно определить, с учетом источников и юридической литературы XIX–XX вв.⁵, следующим образом:

1) естественный вид — смерть субъекта брачно-семейных отношений;

2) юридическо-судебный вид — гражданская смерть (с соответствующими последствиями), т.е. объективное прекращение брака, без волеизъявления супругов, вытекающее из решений судебных органов в силу правонарушений субъекта брака, что, как правило, сопровождалось *capitis deminutio media* или *maxima*; а также в связи с тем, что один из супругов терял гражданство и, как правило, статус свободы, пребывая во вражеском плену; 3) правовой вид (без публичного суда, но при консилиуме родственников) — прекращение брака путем развода при волеизъявлении тех лиц, которые на определенном этапе истории по существующей правовой доктрине обладают известным правом, при возникновении соответствующих легитимных оснований, по правилам традиционной, а позже законной процедуры развода. Безосновательные разводы или развод по согласию сторон длительное время воспринимали как *jus nudus* (голое, необеспеченное право), что в моральном плане ставило человека в неприятное, осуждаемое обществом положение.

Представления о разводе существенно изменялись в различные эпохи. Слова Евангелия: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот

¹ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О.Г. Алексеева, Л.В. Заец, Л.М. Звягинцева и др.; под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 352 с.

² Омельченко О.А. Основы римского права. М.: Манускрипт, 1994. С. 67.

³ Романовская В.Б., Курзенин Э.Б. Основы римского частного права. Н. Новгород, 2000. 94 с.

⁴ Расторжение брака в вопросах и ответах. М.: Юрид. лит., 2002. С. 22.

⁵ Римское гражданское право, изложенное (по Маккельдею) Николаем Рождественским: Т. 1-2. Санкт-Петербург: тип. К. Крайя, 1829-1830. - 2 т. С. 47; Хвостов В. История римского права. 7-е изд. М.: Моск. Науч. Изд-во, 1919. С. 94; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. [пер. с итал. И. И. Маханькова]; под общ. ред. Д. В. Дождева. М.: Норма, 2007. С. 136–139.

прелюбодействует, и женившейся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19: 6, 9) выдвигали более жесткие требования к браку, чем существовавшие нормы в римском обществе.

В связи с этим следует заметить, что уже во времена основателя Рима и первого его правителя Ромула были предусмотрены причины, ведущие к законному разводу⁶. По традиции, на что указывает Плутарх, *primus rex Romae Romulus* установил или, скорее, признал определенные правила развода, устранив те, которые не соответствовали тогдашнему пониманию *aequitas* (справедливость). Такой подход Ромула по существующей мифо-исторической традиции обуславливался тем, что на момент, когда возникла *civitas Romana*, патриархальная семья уже была вполне самостоятельным организмом, обладавшим семейным *ius pop scriptum*, которое существовало, хранилось и развивалось на основе родовой сакральной традиции⁷.

Древние семейные правила, очевидно, были частью общей правовой традиции и коррелировали с существующими нормативно-правовыми положениями обычно-сакрального права — *mores maiorum*, *consuetudo* и *mos regionis*⁸, прародиной которых был древний *Latium* (Лаций). Тем не менее Закон Ромула определил следующие причины разводов, которые тогда были редкостью: 1) прелюбодеяние жены; 2) отравление мужа или покушение на него; 3) подделка ключей; 4) подлог ребенка (Plut. Rom. 22).

Если в Древнем Риме развод считался гражданской сделкой, не требующей специальной процедуры, в средневековой Европе развод считался совершенно недопустимым или разрешался при наличии строго ограниченных оснований. Долгое время расторжение брака считалось аморальным, и распад семьи был нежелателен для общества, поэтому государство вправе было контролировать процесс развода.

⁶ Загурский Л.Н. Элементарный учебник римского права. Общая часть. Вып. 1-3 / Загурский Л.Н. - 3-е изд., испр. и доп. - Харьков: Тип. И. М. Варшавчика, 1897. С. 59

⁷ Ефимов В.В. Лекции по истории римского права. С.-Пб. : Тип. В.С. Балашева и Ко, 1898. С. 273.

⁸ Дождев Д.В. Римское частное право / под ред.: Нерсисянц В.С. М. : Норма, Инфра-М, 1996. С. 77–82.

Следует отметить, что одной из принципиальных особенностей древнеримского права (по крайней мере, архаического и предклассического периодов) было отсутствие прямой зависимости развода от бесплодия женщины или импотенции мужчины. То есть развод был очевидно возможным, поскольку для этого имелись естественные основания, но существующая традиция затрудняла такой процесс. Например, только после того как римский гражданин, консул *Spurius Carullius* заверил цензора в том, что он жаает расстаться с бесплодной, но любимой женой ради того, чтобы следующая жена родила ему ребенка, право на развод было получено (Val. Max. 2.1.4; Gell. Att. 4.3.2; Dionys. 2.25.7; Plut. Quaest. Rom. 59). Однако сам факт развода вызвал, как пишут древние историки, общественное недовольство. Возможно, такой резонанс в определенной степени обусловлен тем, что проблема бесплодия в римском обществе нивелировалась путем усыновления. Такое решение проблемы вполне соответствовало существующей традиции, поскольку ни в одной стране мира усыновление не получило такого размаха, как в Древнем Риме, когда свободнорожденные лица усыновляли других, независимо от их возраста и семейного статуса.

Усыновление, кстати, могло привести даже к разводу (не ранее предклассического периода) в том случае, если, например, отец жены усыновил ее мужа. В целом же правовая традиция усыновления, кроме прочего, очевидно, сдерживала семейные пары от игнорирования брака.

В связи с усилением аморальных тенденций первый римский принцепс-император Гай Юлий Октавиан Август (Юлий с 44 г. (Цезарь) и Август с 27 г. до н. э.) пытался исправить ситуацию на законодательном уровне. Об обстоятельствах реализации политики принцепса в сфере брака и общественной морали известный римский историк Светоний (II в.) писал: «Он (Октавиан Август. — Л.Д.) пересмотрел старые законы и ввел некоторые новые: например, о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий.

Lex Julia et Papia Poppaе (9 г. н.э.) предусматривал штрафы за безбрачие и бездетность, а массовые разводы этому способствовали; ограничение разводов было связано с усилением процессуальных и материальных правовых требований к инициаторам одностороннего расторжения бра-

ка; односторонние разводы без оснований, в отличие от разводов по консенсусу сторон, считались незаконными (D. 38.11.1.1).

Lex Julia de adulteriis устанавливал процедуру одностороннего прекращения брака разводом, которая была следующей: 1) развод (обозначался лексемой *divortium*) предусматривал заявление, оглашенное вольноотпущенником от имени патрона при семи достойных свидетелях (D. 24.2.9); 2) законное решение мужа о разводе выражалось, как заметил Гай, ритуальной фразой — *tuas res tibi habeto* [возит с собой твои вещи] (D. 24.2.2), происходившей от известной нормы Lex XII tabularum (Tit. IV. 3); 3) развод считается недействительным, если он не был оформлен надлежащим образом (D. 24.2.9; D. 38.11.1.1); 4) развод без наличия причины (*sine iusta causa*) считался незаконным, но совершившимся.

Позже римские юристы (Юлиан, Гай) разработали методику определения подлинности и законности разводов, смысл которой можно выразить следующим образом: 1) брак по римскому праву прекращается разводом, смертью, пленением или другим случаем рабства одного из супругов (Павел) (D. 24.2.1); 2) законный развод осуществляется обязательно в присутствии семи свидетелей, в противном случае он не имеет юридической силы (Павел) (D. 24.2.9); 3) незаконные действия третьего лица — введение в свой дом замужней женщины «с улицы» и отправление ее мужу заявления о разводе — не могут быть формой прекращения брака разводом и предусматривают привлечение инициатора таких действий к юридической (криминальной) ответственности (Папиниан) (D. 24.2.8); 4) прекращение брака разводом не считается окончательным в следующих случаях: а) если нет подтверждения серьезности намерений (Павел) (D. 24.2.3); б) кратковременный уход от мужа и возвращение жены не является разводом, очевидно, если муж будет считать возможным продолжение супружеской жизни (*Ibid.*); в) раскаяние посплавшего необходимо при одностороннем прекращении брака письмо является основанием для продления действительности супружества, если в соответствии с *repudi* последнего вторая сторона не откажется от примирения (Папиниан) (D. 24.2.7); 5) брак с сумасшедшей женой прекращается только по волеизъявлению мужа или отца больной жены. В целом же безумие не являлось абсолютным и обязательным основанием

для развода, если болезнь возникла уже в процессе совместной жизни и отсутствует волеизъявление лиц, имеющих право при данных обстоятельствах прекратить законный брак (Ульпиан) (D. 24.2.4); 6) фиктивный брак и развод не являются основанием для его законных материальных последствий, поскольку есть только фиктивная, а не законная претензия *quasi* потерпевшей стороны (Ульпиан) (D. 24.2.5); 7) по мнению Юлиана (вопреки древней традиции) (D. 24.2.6): а) плен не является основанием для развода, поскольку жена плененного рассматривается как замужняя женщина и не имеет права на *secundae nuptiae*; б) такое положение сохраняется до тех пор, пока есть свидетельства, что муж-пленник остается живым, а если их нет на протяжении пяти лет, женщина приобретает право на второй брак (*Ibid.*); в) по мнению Куэция (*Cuiacius*) (Жак Кюжа, XVI в.), интерполяция Юстиниана распространила такое положение на женщину⁹; 8) развод вольноотпущенницы с патроном по ее волеизъявлению против воли последнего Модестин считает незаконным, за исключением случая, когда она была отпущена из рабства патроном в силу фидеикомисса (третьего лица) (D. 24.2.10)¹⁰.

Таким образом, свобода развода в римском праве была одним из его начал. И анализ современного законодательства о разводе позволяет сделать вывод о том, что основанием для расторжения брака является взаимное согласие супругов на развод. Теоретически это обосновывается тем, что в основе брачного правоотношения лежит договор и необходимо допустить возможность его прекращения в любое время по взаимному согласию сторон.

В российской правовой доктрине наиболее полной является классификация концепций расторжения брака, обоснованная профессором М.В. Антокольской. В частности, в своих работах она указывает, что в истории европейского законодательства о разводе можно условно выделить четыре основных исторических типа развода, каждый из которых характеризуется своими специфическими основаниями для расторжения брака: 1) развод-санкция, основанный

⁹ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. М., 2004. С. 447 (прим. 77).

¹⁰ Дячук Л.В. Формы прекращения брака в римском праве античной эпохи // Правоведение. № 4 (315). 2014. С. 251–269.

на виновном поведении одного из супругов; 2) развод-констатация, основанный на непоправимом распаде семьи; 3) развод-соглашение, основанный на взаимном согласии сторон; 4) развод-требование, основанный на одностороннем волеизъявлении одного из супругов¹¹.

Способы прекращения брака в российском современном праве можно свести к двум видам: 1) брак прекращается непосредственно, сам собою. Например, смерть одного из супругов. Переживший супруг считается вдовым и может тотчас заключить новый брак; 2) прекращение брака предполагает наличие акта государства (расторжение брака), т.е. брак должен быть признан прекратившимся со стороны государственной власти, а пока нет такого признания, хотя все условия для прекращения брака были налицо, он все-таки считается существующим. Расторжение брака возможно вследствие объявления одного из супругов умершим, признания судом его безвестно отсутствующим.

Отметим, что действующим законодательством предусматривается расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, а также в судебном порядке. Расторжение брака в судебном порядке является более сложной и долгой процедурой. Это объясняется тем, что оно происходит при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей либо при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака.

Анализ современного подхода к расторжению брака в России позволяет говорить, что Семейным кодексом РФ выделяются такие основания, как непоправимый распад семьи, а также взаимное согласие супругов на развод. При этом следует отметить, что такая концепция развода, как санкция за виновное поведение, была нехарактерна как для советского, так и для российского брачно-семейного законодательства. По мнению С.Н. Буровой, причина развода почти всегда неразрывно связана с виновным по-

ведением той или другой стороны по делу, и виновность сторон в распаде семьи должна устанавливаться в судебном разбирательстве. По мнению же Е.М. Ворожейкина, «стремление устанавливать вину во всех случаях и во чтобы то ни стало может послужить серьезным препятствием к сохранению семьи»¹².

Прослеживая общее историческое развитие института расторжения брака, можно заключить, что современное право возвращается к древнеримским обычаям и традициям. Многие черты римского права наследуются нашими нынешними законами. Все это происходит потому, что семейное римское право было больше гражданским, чем церковным, и поэтому оно наиболее подходит современному укладу семейной жизни. Ведь многие церковные обычаи были давно потеряны, и на первый план в семейных отношениях вышли материальные и гражданские вопросы.

Таким образом, исследование развития института расторжения брака в России показало, что семейное законодательство основывалось сначала на принципе свободы развода, затем нерасторжимости брака, затем на принципе вины, а также взаимном усмотрении самих супругов. Действующее российское семейное законодательство исходит из принципа свободы развода, который реализуется на практике путем взаимного усмотрения супругов на предмет сохранения семьи. Основой правового регулирования расторжения брака должна быть нейтральность закона по отношению к разводу; право не должно оказывать влияние на решение супругов о расторжении брака: ни способствовать ему, ни препятствовать. Это касается не только непосредственно норм о разводе, но и всех семейно-правовых институтов, а также норм других отраслей права, способных оказать прямое или косвенное влияние на решение супругов о расторжении брака.

¹¹ Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; Инфра-М, 2010. С. 150.

¹² Корнилов В.Н. Процессуальные особенности рассмотрения дел о расторжении брака: учеб. пособие. М., 1984. С. 27–28.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. 431 с.
2. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. А.Л. Кофанов. Т. IV. М., 2004.
3. Дождев Д.В. Римское частное право / Д.В. Дождев. М. : Инфра-М; Норма, 2003. 784 с.
4. Дячук Л.В. Формы прекращения брака в римском праве античной эпохи / Л.В. Дячук // Правоведение. № 4 (315). 2014.
5. Ефимов В.В. Лекции по истории римского права / В.В. Ефимов, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб. : Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. 494 с.

6. Загурский Л.Н. Элементарный учебник римского права: Общая часть. Вып. 1–3 / Л.Н. Загурский, проф. Харьк. ун-та. Вып. 1: 3-е изд., испр. и доп. 1897; Вып. 2-3: 2-е изд., испр. и доп. 1898. Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, 1897. 624 с.
7. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О.Г. Алексеева, Л.В. Заец, Л.М. Звягинцева и др.; под ред. С.А. Степанова. М. : Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 352 с.
8. Корнилов В.Н. Процессуальные особенности рассмотрения дел о расторжении брака: учеб. пособие / В.Н. Корнилов. М., 1984. 69 с.
9. Омельченко О.А. Основы римского права / О.А. Омельченко. М. : Манускрипт, 1994. 208 с.
10. Расторжение брака в вопросах и ответах. М. : Юрид. лит, 2002. 120 с.
11. Романовская В.Б., Курзенин Э.Б. Основы римского частного права / В.Б. Романовская, Э.Б. Курзенин. Н. Новгород, 2000. 94 с.
12. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо. М. : БЕК, 2002. 400 с.
13. Хвостов В. История римского права / В. Хвостов. 7-е изд. М. : Моск. Науч. Изд-во, 1919. 496 с.

Правовые преимущества: история формирования в обществе и закрепления в юридических актах государства

*Репьев Артем Григорьевич,
старший преподаватель кафедры
административного права и административной деятельности
органов внутренних дел Барнаульского юридического института
Министерства внутренних дел РФ,
кандидат юридических наук
repev-artem@yandex.ru*

В статье, на основе материалистического взгляда и концептуальных положений цивилизационного подхода на развитие права и государства, рассматривается генезис и эволюция юридической категории «правовое преимущество». Автором выдвигается гипотеза о том, что первоначальные установления, предусматривающие преимущественное положение лиц, указывались казуистично, имели индивидуальный характер и не обладали формально-правовым свойством юридической нормы, распространяющийся на определенный круг правоотношений. Затем различные отступления от равенства, положения о придании общему статусу лица элементов специального за счет больших возможностей, хотя и стали закрепляться в виде юридических норм правовых актов, однако происходило это бессистемно. В конечном счете исторически правовые преимущества для отдельных субъектов сложились той юридической формой, при помощи которой вольностям, свободам, дозволениям, прерогативам была придана нормативная определенность и обязательность исполнения. Получив свойство правовой нормы, преимущества обеспечивались силой государственного принуждения и мерами ответственности, сообразно политической организации власти и идеологии времени своего существования.

Ключевые слова: правовое преимущество, привилегия, иммунитет, правовой статус.

Legal Preferences: History of Forming in Society and Fixing in State Legal Instruments

*Repev Artem G.,
Senior Lecturer of the Department of Administrative Law
and Administrative Activities of the Internal Affairs Agencies
of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences*

In article, based on a materialistic view and conceptual provisions of civilization approach of development of the right and the state, genesis and evolution of legal category “legal advantage” is considered.

The author makes a hypothesis that the initial establishments providing primary position of persons were specified incidentally, had individual character and had no formal and legal property of the legal norm extending to a certain circle of legal relationship. Then various derogations from equality, the provision on giving to the general status of the person of elements special at the expense of great opportunities, though began to be fixed in a type of legal standards of legal acts, however, there was it irregularly. Eventually, historically legal advantages to certain subjects have developed that legal form by means of which to liberties, freedoms, permissions, prerogatives, standard definiteness and obligation of execution has been given. Having got property of precept of law, advantages were provided with force of the state coercion and measures of responsibility, in compliance with the political organization of the power and ideology of time of the existence.

Key words: legal advantage, privilege, immunity, legal status.

История развития права и государства неразрывно связана с представлениями о месте индивида в социуме. На протяжении большего времени существования человеческой цивилизации просматривается деление общества на классы, сословия и пр. Внутри этой стратификации за одними легально закреплялись вольности, выгоды, приоритеты, привилегии, льготы, иммунитеты — все эти элементы сегодня объединяются нами в категорию «правовые преимущества». Другие — были ограничены в реализации своих прав и законных интересов.

Исследования в области социальных связей первобытного строя свидетельствуют, что уже тогда мужчины и женщины, старосты и дети обладали разной ценностью для общины. Вполне допустимо, что распределение вождем добычи еще не было правовым преимуществом, скорее — социальным. Именно эти представления заложили фундамент социальной дифференциации, разделения людей, воздаяния им благ и выгод относительно вклада в общее дело, ценности для рода. Выражались на тот момент преимущества в виде властных прерогатив вождей и старейшин, предпочтительного влияния на жизнь общины.

С появлением первых источников права выгоды и дополнительные возможности, льготы и послабления стали облекаться в юридическую форму. Лидер постепенно сосредотачивает в своих руках наибольший объем прав, дозволений, преимуществ. Возникает потребность окружить себя помощниками: советниками, охраной. Процесс централизации управления неминуемо поставил вопрос о наделении элементами преимущественного положения приближенных к лидеру людей. Первоначально это выражалось в ношении специальных элементов одежды и украшений¹, выборе жены, а за-

тем — повышенной правовой защите, неподверженности общим правилам.

Последующее разделение труда и накопление материальных ценностей, появление воинских образований для защиты владений, качественное изменение социальной жизни приводят к образованию ранних государств. Правовые памятники периода феодальной раздробленности нашего государства одними из первых закрепляли в отечественном праве элементы социального неравенства применительно к сословиям, ставили одних людей в преимущественное положение по сравнению с другими. К примеру, нанесение увечья свободному человеку наказывалось более строго, нежели аналогичное деяние в отношении зависимого: «Оже бьютъ волного человека, платити за голову 10 гривен серебра, а за холопа гривна серебра»². Приведенная норма, имея значение по определению внутрикняжеской дифференциации, оказала впоследствии влияние на закрепление преимуществ международно-правового характера, которые обосновывались внешнеторговыми отношениями.

Сословное деление выражалось буквально во всем. Отсутствовало как формальное, так и фактическое равенство в быту и обществе. По Русской Правде штраф за убийство члена господствующего сословия и простолюдина рознился вдвое — 80 гривен против 40 (ст. 3); в процессе гражданских споров, судебного разбирательства, показания одной категории лиц имели преимущество над показаниями других. Приоритет был отдан представителям княжеского рода, а также варягу, иноземцу (ст. 18)³.

² Договор («Правда») Смоленска с Ригию и Готским Берегом от 1229 г. // Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. С. 59.

³ См.: Русская Правда пространной редакции (по Троицкому I списку) // Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. засл. деят. науки, проф.

¹ См.: Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 39–44.

С образованием централизованного единого Русского государства связано укрепление правового положения государственных служилых людей, представителей князя на местах, выполнявших функции суда и расправы. Стремление к независимости, необходимость обеспечения их беспристрастности, потребность в гарантиях личной неприкосновенности, обусловили наделение их правовыми преимуществами в форме иммунитетов и привилегий. К примеру, Великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич одним из первых обеспечил специальным правовым статусом наместников, волостелей, уполномоченных на осуществление административных и полицейских функций⁴. Судебник 1550 г. закрепил меры, направленные на утверждение неприкосновенности тиунов, доivotчиков, представителей иных служилых сословий⁵.

Судебник 1589 г. расширил преимущества в виде повышенной правовой защиты военных и полицейских ведомств (стрельцы, вольные казаки), а также чиновников волостного управления, выполнявших отдельные функции охраны правопорядка (целяльщики, сотские, десятские, земские дьяки, церковные старосты)⁶. Некоторые из представленных выше чинов, в частности городские и сельские старосты, позднее станут главным органом уездного управления. В их компетенцию войдет ведение уголовных дел, надзор за общественной безопасностью и другие полицейские обязанности, что позволяет их отнести к прообразу современных участковых уполномоченных полиции⁷.

С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1952. С. 108–110.

⁴ См.: Жалованная льготная и несудимая грамота Великого князя Василия Дмитриевича Архимандриту Спасо-Благовещенского монастыря Малахии на Лысковские и Курмышские пустоши в Нижегородском уезде 20 февраля 1423 г. (Извлечение) // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. С. 98–99.

⁵ См.: Судебник 1550 г., ст. 26 // Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956. С. 238.

⁶ См.: Судебник 1589 г. Ст. 56, 57, 59, 60, 72 // Памятники русского права / под ред. проф. Л.В. Четвернина. Вып. 4. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956. С. 420–422.

⁷ См.: Репьев А.Г. Генезис становления и развития службы участковых уполномоченных

важно в технико-юридическом отношении, что правовыми актами, закреплявшими в данном случае нормы-преимущества, были грамоты — жалованные, льготные, несудимые, обельные, посыльные, проезжие, тарханские и указные (уставные), а также ярлыки и договоры нормативного содержания. Появившись в XIV–XV вв., к XVI в. грамоты стали одним из основных видов правовых актов, в том числе определявших такой элемент правового статуса как преимущества. Уже на этом этапе в нормативных правовых актах при закреплении преимуществ используется институт сдерживания в виде ограничений. Формулируется он при помощи технико-юридического приема — исключения⁸. В частности, судебные споры с участием купцов подлежали рассмотрению только наместником Двинской земли, кроме совершения кражи и задержания купца с поличным: «А на Устюзе, и на Вологде, и на Костроме их не судят, ни на поруки не дают ни в чем; а учинится татба от двинских людей с поличным, ине поставят их с поличным передо мною, перед великим князем»⁹.

Характерно, что на законодательном уровне в нашем государстве термин «преимущество», применительно к конкретным субъектам правовых отношений, означающий дополнительные выгоды, послабления, освобождение от наказаний и пр., впервые был закреплен в Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г.¹⁰

полиции: от сословно-представительной монархии до наших дней // Информационная безопасность регионов. 2013. № 2. С. 147–150.

⁸ Подробнее см.: Морозова И.С. Историко-правовой аспект развития юридических исключений // История государства и права. 2007. № 24. С. 16–19; Суменков С.Ю. Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 12. С. 41–44; Репьев А.Г. Преимущества, ограничения и исключения как средства административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 64–67 и др.

⁹ Двинская уставная грамота 1397 г. Ст. 15 // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 182.

¹⁰ В отдельных исторических источниках именуется как — Жалованная грамота благородному российскому дворянству (с принадлежащими

Значение документа состояло не только в легальном закреплении за дворянством особого положения. Впервые на законодательном уровне было зафиксировано сразу несколько, до того не считавшихся таковыми, оснований наделяния преимуществами.

Во-первых, это достоинство личности, которая исполняет благородную службу на благо Отечества и за свои заслуги получает соответствующее положение в обществе. Во-вторых, наследственные и потомственные права состояния. Привилегии, иммунитеты и иные формы преимуществ передавались дворянину своей жене и детям и могли быть отобраны только за совершение тяжких преступлений (измены, разбоя и пр.). В-третьих, это родовитость. Происхождение лица, знатность его семьи оказывали существенное влияние на правовое и социальное положение человека в обществе. Потомственность членов определенной семьи открывает путь для назначения на вышестоящие должности (введенный боярин, казначей, чины думных дворян), что гарантирует особый правовой статус и преимущества в правах. Наиболее «достойные», знатные роды стремятся к объединению, в том числе путем бракосочетания наследников, создавая тем самым закрытую корпорацию со своим укладом, порядками, образом жизни и ведения дел.

Однако последующее утверждение Табеля о рангах существенно изменило ранее сложившуюся процедуру и основания получения правовых преимуществ. Родовитость и потомственность постепенно уходят на второй план. На их смену приходят профессиональные навыки и умения в труде, квалификация, талант в творчестве и пр. Безусловно, и иные критерии не были забыты. По-прежнему ряд преимуществ мог быть наследован, дарован.

Последовавший период Великих реформ XIX в. в значительной степени коснулся прав состояний в России. Речь идет не только об отмене крепостного права, но и некотором изменении правовых положений независимых сословий. Связано это с подписанием императором Александром II в Царском Селе Уставов гражданского и уголовного судопроизводства, а также Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Документы, на тот момент, являлись

самыми передовыми в части развития правосудия¹¹. Многие из норм, принятых полтора века назад, не утратили своей актуальности и сегодня. Речь в данном случае идет об укреплении правового положения судей, судебных следователей, полиции, повышении их социальной и правовой защищенности. Для реализации указанных постулатов особое значение приобретали юридические средства и институты, к которым мы относим и правовые преимущества в форме привилегий, иммунитетов и льгот.

Начало периода становления советского права и государства вошло в историю под лозунгами борьбы за всеобщее равенство и отмену сословных преимуществ. Ряд принятых нормативных актов подтверждает сказанное¹², но лишь отчасти. По сути же, борьба за идеалы равенства и справедливости не могла закончиться успешно. Сказались зоны объективного развития общества. Реформирование законодательства о преимуществах свелось к исключению из правотворческих приемов их закрепления через термины «иммунитет», «привилегия». Они воспринимались как атрибут классового неравенства, инструмент подавления властной верхушкой зависимых граждан (крестьян, рабочих и пр.). Чаще стали употреблять термин «льгота», пусть и в ряде случаев не уместно, игнорируя иные виды преимуществ¹³. Такое использование юридической техники, видимо, удовлетворяло идеологии времени, несмотря на то, что по существу политическая и номенклатурная элита, впоследствии, обеспечили себя самыми широкими привилегиями и иммунитетами.

Подытоживая сказанное, сделаем несколько важных выводов:

— зародившись по принципу права сильнейшего, затем укрепившись в форме обы-

к оной узаконениями) (утв. Российской императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 г.). СПб: Типография Правительствующего Сената, 1827.

¹¹ См.: Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // История государства и права. 2014. № 23. С. 3–5.

¹² См.: Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.

¹³ См.: Об утверждении Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Красного флота Союза ССР и их семей (вместе с «Кодексом»): постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 21. Ст. 197, 198.

чая родового строя и общины, преимуществами стали формироваться с опорой на религиозное мировоззрение, обожествляя вождей, старейшин и придавая им статус неприкасаемых. С образованием ранних государств, усложнением социальной жизни необходимость установления отношений с другими странами, борьба за влияние в государстве и вне его предопределили рациональную замену теологической составляющей преимуществ — политической;

— дальнейшее накопление материальных благ неминуемо привело к тому, что характерной чертой системы феодальных отношений стал принцип прав-преимуществ. Привилегии, иммунитеты стали ключевой

идеями, основополагающим требованием регулирования общественных отношений;

— получив свойства юридической нормы в виде нормативной определенности и общеобязательности, преимущества стали обеспечиваться силой государственного принуждения и мерами ответственности, сообразно той политической организации власти и идеологии времени существования;

— правовые преимущества, несмотря на малоизученность в чистом виде, имеют глубокие исторические корни, доказывая тем самым, что являются сложным и многогранным явлением, характерным для всех без исключения периодов развития общества и видов цивилизаций.

Литература

1. Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.
2. Об утверждении Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Красного флота Союза ССР и их семей (вместе с «Кодексом»): постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 21. Ст. 197, 198.
3. Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985.
4. Договор («Правда») Смоленска с Ригой и Готским Берегом от 1229 г. // Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953.
5. Жалованная грамота благородному российскому дворянству (с принадлежащими к оной узаконениями) (утв. Российской императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 г.). СПб: Типография Правительствующего Сената, 1827. 370 с.
6. Жалованная льготная и несудимая грамота Великого князя Василия Дмитриевича Архимандриту Спасо-Благовещенского монастыря Малахии на Лысковские и Курмышские пустоши в Нижегородском уезде 20 февраля 1423 г. (Извлечение) // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. проф. А.В. Черепнина. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955.
7. Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия / И.А. Исаев // История государства и права. 2014. № 23. С. 3–5.
8. Морозова И.С. Историко-правовой аспект развития юридических исключений / И.С. Морозова // История государства и права. 2007. № 24. С. 16–18.
9. Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73).
10. Репьев А.Г. Генезис становления и развития службы участковых уполномоченных полиции: от сословно-представительной монархии до наших дней / А.Г. Репьев // Информационная безопасность регионов. 2013. № 2.
11. Репьев А.Г. Преимущества, ограничения и исключения как средства административно-правового регулирования / А.Г. Репьев // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 64–67.
12. Русская Правда пространной редакции (по Троицкому I списку) // Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1952.
13. Судебник 1550 г. // Памятники русского права / под ред. проф. А.В. Четвернина. Вып. 4. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956.
14. Судебник 1589 г. // Памятники русского права / под ред. проф. А.В. Четвернина. Вып. 4. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956.
15. Суменков С.Ю. Правовой иммунитет как исключение из правила: историко-правовой аспект / С.Ю. Суменков // История государства и права. 2010. № 12. С. 41–43.

Полномочия губернатора в сфере местного самоуправления России во второй половине XIX в.

*Чапайкина Ирина Геннадьевна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Кировского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
irisha-pravo@yandex.ru*

Статья посвящена вопросу об изменении объема и характера полномочий губернатора в дореволюционной России в отношении местного самоуправления (земского и городского) во второй половине XIX в. Данные изменения рассматриваются в связи с эволюцией представлений правительственной власти об оптимальной модели местного самоуправления и корректировкой законодательства в этой сфере. Процесс изменений анализируется, начиная с земского Положения 1864 г., через Городовое положение 1870 г., к новому земскому Положению 1890 г. Резюмируется усиление значения губернатора как должностного лица в сфере контроля за местным самоуправлением наряду с развитием нормативно-правовых инструментов такого контроля.

Ключевые слова: земство и муниципальное самоуправление, городское самоуправление, правительственный контроль, губернское присутствие, губернатор, законодательное регулирование.

Governor's Authorities in Russian Local Self-Government in Second Half of XIX Century

*Chapaykina Irina G.,
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the Kirov branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

The article depicts the questions which relate to the process of developing and improving the institutes of the local government in Russia after Zemstvo reform in 1864 and Municipal reform in 1870. This article analyzes the legislation of the 90-s of the XIX century which is traditionally determined as 'counter-reforms'. It shows the character of the legislative innovations and their influence on the organization, activity and the model of the local government. This article emphasizes the interaction of the state and the local government, the changes in the zemstvo and town representatives, the mechanism of local government institutes. It summarizes the inevitability of changing the initial local government model in the 1860–1870s and its transformation into a new and more difficult level of the evolution, that also requires more complete legislation regulation.

Key words: zemstvo and municipal self-government, the city government, governmental control, gubernskoye prisutstviye, governor, legislation regulation.

Согласно положению о губернских и уездных земских учреждениях 1864 года (далее — Положение 1864 г.) на губернатора возлагались контрольные полномочия в сфере соблюдения действующего на тот момент законодательства. Основанием для вмешательства губернатора в дела местных сообществ согласно ст. 9 являлось несоответствие решения земских учреждений общим пользам и нуждам. Данное решение влекло за собой приостановление исполнения нормативно-правовых актов земских учреждений. Положение 1864 г. имеет норму отсылочного характера и определяет дальнейший порядок взаимодействия губернатора и органов местного самоуправления в этом случае. Согласно ст. 94–97 Положе-

ния 1864 г. дело должно рассматриваться Губернским земским собранием, и оно уже определяет достаточность оснований для вмешательства губернатора в дела местных сообществ на основе конкретного случая. Решение Губернского земского собрания не является для губернатора окончательным, то есть существует возможность обжаловать его, а на время обжалования повторно приостановить действие обжалуемого нормативно-правового акта. В качестве органа, принимающего окончательное решение при разрешении такого дела, Положением 1864 г. предусмотрен Правительствующий Сенат.

Также согласно Положению 1864 г. предусматривается возможность вмешательства

губернатора в осуществление муниципального управления в случае невыполнения органами местного самоуправления своих обязанностей. Об этом свидетельствует ст. 10 Положения 1864 г. Интересным является факт, что перед подобным вмешательством губернатор должен предпринять все зависящие от него меры для побуждения органов местных сообществ к исполнению возложенных на них обязанностей. Под этими мерами, согласно указанной статье рассматриваемого Положения, понимается ситуация, «когда напоминания его (губернатора. — прим. авт.) останутся безуспешными». При подобной ситуации предусматривалось уведомление министра внутренних дел, и вмешательство в дела местных сообществ должно было происходить именно с его разрешения.

Если же земские учреждения видели в распоряжениях губернатора либо иных органов государственной власти нарушение их прав, то для защиты они могли обратиться с жалобой в Правительствующий Сенат (согласно ст. 11 Положения 1864 г.)

Таким образом, Правительствующий Сенат являлся окончательной инстанцией, которая была способна рассмотреть споры между губернатором и органами местных сообществ, при этом обратиться туда могла любая из заинтересованных сторон, соблюдая при этом установленный законодательством порядок.

Также губернатор был обязательным звеном при реализации отдельных полномочий местных коллегиальных органов. Например, при присвоении земским дорогам или дорожным сооружениям статуса государственных ходатайство об этом со стороны губернских земских учреждений подавалось через губернатора (ст. 62 Положения 1864 г.)

Если органы местного самоуправления не могли за свой счет содержать транспортную инфраструктуру, находящуюся на их территории, то они могли ходатайствовать о выделении губернского финансирования. В частности, такая процедура предусматривалась в отношении сухопутных дорог вдоль берегов водных путей (рек или каналов), предназначенных для буксирования людьми или лошадьми судов на канате (ст. 64 Положения 1864 г.)

Также губернатор был задействован при учреждении губернских земских банков. В этом случае через него подавалось ходатайство, а решение об учреждении прини-

мало правительство. В случаях, если по вопросам организации местной торговли, земледелия и промыслов собственных полномочий Земским собраниям не хватало, была предусмотрена возможность обращения к губернатору как представителю государственной власти на местах (ст. 68 Положения 1864 г.). Указанные губернаторские полномочия выделялись законодателем в качестве особых полномочий.

Законодателем предусмотрительно разграничивалась компетенция губернатора и министра внутренних дел по утверждению постановлений земских собраний, принятых по отдельным вопросам. Круг постановлений, подлежащих обязательному утверждению губернатором, указывался в ст. 90 Положения 1864 г., а постановлений, подлежащих утверждению министром внутренних дел, — в ст. 92.

В качестве контрольных полномочий губернатора в соответствии со ст. 117 Положения 1864 г. предусматривается возможность временного отстранения от должности членов Земских управ. Губернское земское собрание издавало постановление, которое подлежало утверждению губернатором, окончательное же решение об отрешении от должности такого лица принимал Правительствующий Сенат. Также губернатор утверждал постановления Губернских земских собраний по вопросам благоустройства (ст. 123 Положения 1864 г.), реорганизации и преобразования муниципальных образований (ст. 130 Положения 1864 г.), но в случае реорганизации или преобразования муниципального образования заинтересованные лица должны были предварительно учесть мнение местных органов власти. Утверждению губернатором, кроме вышеперечисленного, подлежали также постановления Губернских земских собраний по вопросам установления мер по предупреждению и ликвидации массовых инфекционных заболеваний (ст. 144 Положения 1864 г.)

В качестве органа, который разрешал спорные вопросы при разделении полномочий и определении компетенции органов государственной власти, предусматривалось Особое совещание. Губернатор мог обращаться в Особое совещание, если считал, что постановления, которые подлежат обязательному утверждению, им изданы с превышением полномочий, предусмотренных законодателем для конкретных органов, а именно для Земского собрания или для Полицейского управления. В этом случае сове-

щение созывалось по инициативе губернатора (ст. 145–146 Положения 1864 г.). Если же губернатор был не согласен с решением Особого совещания (в число членов которого входил и прокурор окружного суда), то губернатор имел право приостановить такое решение и передать дело на разрешение министра внутренних дел (ст. 148 Положения 1864 г.).

Кроме утверждения нормативно-правовых актов, издаваемых иными органами, или перенаправления их в центральные органы государственной власти губернатор сам обладал правом законодательной инициативы (ст. 124 Положения 1864 г.), что подчеркивало его статус как самостоятельного субъекта управления.

Немного позднее, в 1870 году, законодатель издал Городовое положение (далее — Положение 1870 г.), которое более подробно описывало полномочия губернатора в сфере местного самоуправления, но его действие распространялось только на крупные муниципальные образования.

Законодатель так же, как и в Положении 1864 г., закрепил за губернатором контрольно-распорядительную функцию в сфере управления на местах, выделив при этом надзорные полномочия (ст. 1 Положения 1870 г.).

На основании ст. 8 рассматриваемого Положения можно сделать вывод, что губернатор являлся инстанцией, способной защитить права местного самоуправления в случае их нарушения органами государственной власти на местах, поскольку предусмотрена законодательная возможность обращения к губернатору, и существует возможность обжаловать его решение, если оно не удовлетворит обратившихся лиц, например, в случае ненадлежащих действий губернатора. В качестве следующей инстанции по порядку обжалования решений органов государственной власти на местах законодатель также закрепляет Сенат, показывая тем самым преемственность правовых норм по сравнению с Положением 1864 г., которое закрепляет подобный порядок обжалования в ст. 11.

В случае наличия противоречий между органами городского самоуправления у представителей власти была возможность обратиться в специально создаваемый для этого орган — Губернское по городским делам присутствие. Председателем органа был губернатор. Также рассмотрению этим органом подлежали споры между городским

общественным и местным полицейским управлениями. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне губернии согласно Положению 1864 г. существовал орган со схожей компетенцией в области рассмотрения споров между органами власти — Губернское земское собрание.

В Положении 1870 г. присутствовала норма, аналогичная ст. 10 Положения 1864 г., когда губернатор имеет право вмешиваться в дела местных сообществ, предварительно приняв надлежащие меры к уведомлению их о необходимости исполнения возложенных на них законодателем полномочий, об этом свидетельствует ст. 12 Положения 1870 г. Однако обоснованность вмешательства губернатора согласно указанной статье определяло Губернское по земским делам присутствие, а в отношении министра внутренних дел достаточно было уведомления. Сравнивая с разрешительным порядком деятельности губернатора, в подобном случае указанным в Положении 1864 г., можно увидеть, что усилилась автономия губернатора от центральной власти.

Связь с органами центральной власти по-прежнему осуществлялась органами местного управления через губернатора. Об этом свидетельствует ст. 13 Положения 1870 г.

Статья 19 Положения 1870 г. прямо закрепляет ограничение активного избирательного права губернатора, сотрудников местной полиции, членов местного исполнительного и представительного органов, за исключением городского головы, выражающегося в лишении права голоса на выборах на период замещения ими указанных должностей. В Положении 1864 г. также содержался прямой запрет участия в выборах губернатора, вице-губернатора, членов губернских правлений, сотрудников полиции и губернских прокуроров. Стоит отметить, что в отношении Положения 1864 г. указанные лица ограничивались в пассивном избирательном праве — не могли быть избраны в гласные, а поскольку в процессе принятия нормативно-правовых актов гласные принимали непосредственное участие, мы можем говорить о косвенном ограничении активного избирательного права. Данное ограничение представляется логичным, связанным, по сути, с должностным положением указанных лиц. Например, губернатор мог только утверждать избранного земским собранием председателя уездной управы (ст. 48 Положения 1864 г.).

Интересным является содержание ст. 28 Положения 1870 г., которое содержит гарантии избирательных прав граждан, выражающиеся в непрерывном течении сроков избирательного процесса даже в случае возникновения жалоб по вопросу содержания списка избирателей независимо от стадии рассмотрения таких жалоб.

В ст. 56 Положения 1870 г. закреплена возможность назначения заседаний Городской думы по требованию губернатора. По отдельным вопросам (например, для выполнения контрольно-ревизионных полномочий согласно ст. 141 и 147 Положения 1870 г.) губернатор имел право даже утверждать график заседаний Думы.

Для официального опубликования местных нормативно-правовых актов также было необходимо удостоверение губернатором отсутствия нарушений в процедуре их принятия (ст. 68 Положения 1870 г.) В противном случае, даже несмотря на наличие положительного заключения по вопросу принятия этих нормативно-правовых актов со стороны полицейских органов, губернатор мог обратиться в Губернское по земским делам присутствие (ст. 105–106 Положения 1870 г.)

Закрепление разграничения полномочий министра внутренних дел и губернатора, начало которого закреплялось в Положении 1864 г. (ст. 90, 92) можно наблюдать в отдельных нормах Положения 1870 г., но списка постановлений по отдельным вопросам с указанием компетентного субъекта, издающего их в Положении 1870 г., не приводится. Исходя из содержания ст. 92, 111–113, 122–124 можно сделать вывод, что министр внутренних дел имел полномочия по организации управленческого процесса в губернских городах, в остальных же городах и поселках эта прерогатива закреплялась за губернатором. Решения министра внутренних дел по вопросам утверждения определений и постановлений городских Дум, по вопросам нарушения прав граждан, могли обжаловаться в Сенате (ст. 48 Положения 1870 г.), в остальных случаях соблюдался общий порядок обжалования: решения городской управы или городского головы обжаловались с помощью обращения в Думу, а решения Думы — с помощью обращения к губернатору, который передавал их на рассмотрение Губернского по земским делам присутствия (ст. 11 Положения 1870 г.).

В Положении 1870 г. контрольные полномочия губернатора сформулированы более четко, в частности, закрепляется обязан-

ность получения разрешения губернатора в случае отсутствия городского головы в городе более двух месяцев, по возвращении он обязан уведомить об этом губернатора. Также обязательный уведомительный порядок предусматривался в случае менее продолжительного отсутствия городского головы в городе. Также при рассмотрении властных полномочий губернатора в процессе обжалования решений органов местного самоуправления стоит выделить правомочие, закрепленное в ст. 155 Положения 1870 г., когда при передаче определения Городской думы на обсуждение Губернского по городским делам присутствия в порядке, предусмотренном ст. 50 и 151 рассматриваемого Положения, губернатору представлялось право приостановить исполнение этого определения на срок не более одного месяца со времени получения им определения.

Следовательно, в Положении 1870 г. законодатель конкретизировал полномочия губернатора в области организации местного самоуправления по сравнению с полномочиями, которые описывались ранее в Положении 1864 г., можно предположить, что специфика организации управления городскими территориями ввиду наличия различных органов муниципального управления требовала подобной конкретизации, для увеличения эффективности управленческого процесса.

Позднее появилось Положение о губернских и уездных земских учреждениях (далее — Положение 1890 г.) и Городовое положение (далее — Положение 1892 г.), которые заменили ранее существовавшие Положения 1864 и 1870 гг., определенным образом изменив их.

В отношении объема губернаторских полномочий в сфере местного управления была сохранена норма, определяющая надзорную функцию губернатора за правильностью и законностью действий земских учреждений (ст. 5 Положения 1890 г.), подобная функция закреплялась ранее (ст. 1 Положения 1870 г.), что может свидетельствовать об укреплении четкой структуры организации управленческого аппарата. Губернатор председательствует в Губернском по земским делам присутствии (ст. 8 Положения 1890 г.), подобное правомочие ранее встречалось в ст. 11 Положения 1870 г.

В ст. 12 Положения 1890 г. закреплено право губернатора обращаться в Сенат в случае его несогласия с решением присутствия, таким образом мы видим, что Сенат становится органом центральной власти, спо-

собным разрешать спорные вопросы между губернатором и органами местного управления. Также для разрешения подобных вопросов существовала возможность обращения к министру внутренних дел (ст. 12 Положения 1890 г., ст. 12 Положения 1870 г.).

Губернатор получил возможность определять срок созыва избирательных собраний в губернских и иных городах, а также определять число гласных (ст. 29–30 Положения 1890 г.). Также он обладал рядом контрольных полномочий в избирательной сфере: ему должны были обязательно предоставляться списки гласных после окончания выборов, он имел право оспаривать законность выборов, об этом свидетельствуют ст. 31, 46–48 Положения 1890 г.

Статья 65 Положения 1890 г. определяет возможность созыва очередных земских собраний только с разрешения губернатора, что расширяет возможность влияния губернатора на коллегиальные представительные органы. Подобное полномочие существовало в Положении 1870 г., когда губернатор имел право назначать заседания Городской думы (ст. 56 Положения 1870), но кроме губернатора подобным правом согласно указанной статье обладало городское голову или же не менее 1/5 части гласных. Таким образом, система городского самоуправления, существовавшая на момент принятия положения 1890 г., была более автономна, чем система общегубернского или уездного управления, где существенную роль играл губернатор.

Статья 82 Положения 1890 г. определяет перечень постановлений земских собраний, которые подлежат утверждению губернатора, ранее в исследуемых положениях содержалась лишь норма ст. 68 Положения 1870 г., которая обозначала лишь необходимость передачи всех определений городской думы губернатору для последующего их официального опубликования, а обязательному утверждению губернатором должны были подвергаться определения городских дум в уездных городах об устройстве на участках, принадлежащих городу земель, предназначенных, по городскому плану, для площадей, улиц, переулков тротуаров, проходов, мостов, переправ и бечевников, или для водных сообщений, в случае возведения на таких участках сооружений, стесняющих проход или проезд (ст. 120, 122 Положения 1870 г.).

Предполагается, что подобные нормы, обеспечивающие губернаторское влияние,

были призваны служить единообразию государственной политики на местах.

Стоит также отметить, что за губернатором закреплялось право приостанавливать действие нормативно-правовых актов органов местного самоуправления не только в отношении городской думы (ст. 155 Положения 1870 г.), но и в отношении земского собрания (ст. 87 Положения 1890 г.) в случае сомнения губернатора в их законности, а также право проводить ревизию земских управ (ст. 103 Положения 1890 г.), а в отношении городского общественного управления ранее говорилось, что оно не подлежит ревизии общих контрольных учреждений (ст. 147 Положения 1870 г.).

Статья 110 Положения 1890 г. прямо закрепляет за губернатором право законодательной инициативы, когда говорится, что одним из оснований для составления обязательных постановлений губернского земского собрания является предложение губернатора. Безусловно, ранее существовала норма ст. 56 Положения 1870, где указывалось, что заседания городской думы могут назначаться по усмотрению губернатора, но там речь идет лишь только о регламенте работы представительного органа, что не дает оснований утверждать о наличии законодательно закрепленных полномочий и механизмов влияния губернатора на правотворческий процесс в рассматриваемом контексте.

Губернатору предоставляются постановления губернского земского собрания и, в случае отсутствия нарушений законодательства, по мнению губернатора, он отвечает за их официальное опубликование (ст. 111 Положения 1890 г.), аналогична ситуация с определениями городской думы согласно Положению 1870 г. (ст. 68).

Интересна роль губернатора при формировании исполнительных органов власти на местах, городская управа возглавляется городским головой (ст. 70 Положения 1870 г.), который выбирается городской думой (ст. 82 Положения 1870 г.), и данная кандидатура утверждается в губернских городах министром внутренних дел, а в прочих городах — губернатором (ст. 92 Положения 1870 г.), на губерньском же уровне существовала губернская управа, председателя которой в должности утверждал министр внутренних дел, а председателей уездных управ и членов как губернских, так и уездных управ утверждал губернатор (ст. 118 Положения 1890 г.).

Также у губернатора появляется возможность влиять на прохождение служ-

бы членов земских управ как в позитивных случаях (например, получение чина государственной службы — ст. 124 Положения 1890 г.), так и в негативных (возбуждение дела за должностные преступления и проступки — ст. 132, 133 Положения 1890 г.).

Таким образом, очевидно, что роль и влияние губернатора, достаточно формальные при проведении первой земской реформы, существенно возрастают при проведении реформы в городах и окончательно закрепляются в конце XIX в.

Литература

1. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1888.
2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Изд-е 1886 г. Б.м.
3. Положение о губернских и уездных земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1898.

Приказы общего права «о беглых» и «о защите свободного статуса лица» в Средневековой Англии

*Баранов Всеволод Федорович,
преподаватель кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина
KIGIP@msal.ru*

Приказ, получивший название «breve de nativis» (старофранц. — приказ «о беглых») имеет очень давнее происхождение и за свою долгую историю не претерпел каких-либо серьезных изменений. Он также сравнительно быстро получил устойчивую стереотипную форму. Верховный юстициарий Генриха II, великий средневековый английский юрист Ранульф Гленвилл говорит о данном приказе как об одном из важнейших приказов, имеющих ярко выраженный полицейский, карательный характер, предоставляющий шерифам широкие полномочия при их исполнении. Первые приказы такого рода появляются уже в царствование Вильгельма II Рыжего. Похожие приказы дошли до нас от времен Генриха I и Генриха II. Классическими можно назвать приказы, относящиеся к 1175–1180 гг.

Приказ «de libertate probanda» (старофранц. — «о защите свободного статуса лица») также встречается у Гленвилла. Лицо, задержанное как «беглое», но утверждающее о своем свободном статусе, могло истребовать приказ, в силу которого его дело должно быть рассмотрено в королевском суде.

Ключевые слова: приказ «о беглых», приказ «о защите свободного статуса лица», серв, виллан, манор, лорд, полицейские меры, владение, приказы общего права, шериф, королевский суд, королевские судьи.

Common Law Orders “On Fugitives” and “On Protection of Individual’s Free Status” in Medieval England

*Baranov Vsevolod F.,
Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University*

The writ called “breve de nativis” is a very old writ and one which has undergone very little change in the course of its long history. It also was comparatively quick to become stereotyped. In Glanvill it is one of the most important writs, having a strong executive flavor and leaving to the sheriff a considerable amount of responsibility in its execution. Already in the writs of William Rufus we find writs to officials to restore the men who had run away to their lord. From Henry I’s and Henry II’s reign come similar writs. A classic form of such writ appeared in 1175–1180.

The writ “de libertate probanda” is still referred to by Glanvill. When a writ “de nativis” is brought against a free man demanding his arrest and delivery to his lord, he can obtain a writ “de libertate probanda” and to bring the plea before the king.

Key words: writ “de nativis”, writ “de libertate probanda”, serf, villain, manor, lord, police measures, possession, common law writs, sheriff, royal court, royal justices.

Известно, что еще с англосаксонских времен английские короли прилагали значительные усилия, стремясь защитить законное земельное владение. Наиболее актуальным вопросом о защите владения стал в нормандский и последующий анжуйский периоды истории английского феодального государства (середина XI–XIII вв.). Данное стремление проистекало не только из стремления королей укрепить законность и установить порядок на своей земле. Здесь играли весьма заметную роль и соображения чисто политического характера. Порядок подразумевал справедливое распределение земли и гарантии мирного обладания ею для всех многочисленных вассалов короля: баронов, рыцарей, аббатов и многое другое. Чтобы земля служила полноценным экономическим базисом и источником авторитета для ее владельца, его права должны были быть надежно защищены. С другой стороны, и само королевство нуждается в мощном феодальном классе, выходцы из которого несут основное бремя государственных забот: в военной области, в сфере администрации, политики, религии, в интеллектуальной деятельности другого рода... Но какая будет владельцу польза от его земли, если ее некому будет возделывать? Чтобы наличие земли обеспечивало ее владельцу необходимый доход и, соответственно, возможность нести вассальную службу своему сеньору, земля должна быть обеспечена соответствующей рабочей силой¹. Если та или иная земля присваивалась королевскому вассалу, то само собой подразумевалось, что ему передаются и прикрепленные к земле крестьяне, т.е. работники. Сервы, крепостные крестьяне, были обязаны не только возделывать землю и платить регулярные налоги. В тех случаях, когда король налагал на их лорда штраф за какую-либо провинность или требовал внеочередной взнос-пожертвование, расплачиваться за это, в конечном счете, приходилось сервам же. Заплатив штраф или внеся взнос, лорд тут же стремился компенсировать его, налагая дополнительные подати на своих сервов. Результат такой политики был очевиден. Мно-

гие сервы не видели другого выхода, другого способа избавиться от разорительных вымогательств, кроме как бежать от своих хозяев, не выдержав притеснений².

Известно о широкой практике вмешательства английских королей в различные проблемы, которые возникали у их вассалов в ходе эксплуатации земли. Зачастую землевладельцы тяготились столь жесткой опекой, но в отдельных случаях, королевское вмешательство было не только желательно, но и необходимо. В значительной мере такое вмешательство было необходимо, когда требовалось вернуть беглых сервов их законному владельцу.

Только король мог организовать их розыск по всему королевству. И можно было быть уверенным, что король оказывал заинтересованному лицу всю необходимую помощь. Действительно, бегство крестьян от своего хозяина было для того равносильно потере самой земли³. Рабочая сила серва, его профессиональные умения могли исчисляться в деньгах. В случае продажи его стоимость включалась в договор в качестве специальной оговорки⁴. Сервы были работниками, пожизненно прикрепленными к земле (свободный крестьянин-арендатор, а тем более землевладелец, были в то время исключением). Они имели в пользовании небольшие участки земли, которые считались принадлежащими лорду, хозяину манора. За эту землю серв был обязан нести в пользу хозяина необходимую службу, помимо обычных регулярных выплат и подноше-

¹ См.: Boussard. Government of Henry II. P. 217, 220. Ценность земли в значительной степени зависела от количества прикрепленных к ней крестьян. Обычно считалось, что рыцарю для несения всей положенной службы было необходимо иметь в своем хозяйстве от 15 до 30 крестьянских семей.

² Так, в 1114–1118 гг. множество сервов епископа Фламбара Дургэмского бежали от своего хозяина, прихватив с собой все свои средства в связи с тем, что епископ вздумал собрать с них внушительную сумму денег, которую должен был заплатить королю (См.: Craster, Ranulf Flambard. P. 55).

³ Королевское вмешательство было, в первую очередь, нацелено на возвращение беглых сервов их законному господину, где бы эти сервы ни были обнаружены, но помощь эта предоставлялась, конечно, не бесплатно. Например, некий Ричард Филиус Вальдеви заплатил, как следует из Больших Свитков, за соответствующий приказ две марки серебра (См.: Pipe Roll 29 Henry II. P. 60 (1183)).

⁴ «... Аббат Уолтхэмский купил некоего Джона Таннера у Ричарда, сына Ачера, за два ливра, а Мауд де Бихам был куплен отцом Хью де Гимаджа за три ливра» (См.: Flower. Introduction. P. 228; Curia Regis Rolls. P. 50, 325).

ний. Объем службы и подношений не был точно определен и зависел от прихоти хозяина. Надо сказать, что в XII–XIII вв. положение крестьян непрерывно ухудшалось. Если, согласно Книге Страшного Суда, крестьяне, имевшие личную свободу, составляли еще большинство населения, то к концу XII в. они трансформировались в зависимый, несвободный класс, резко отличающийся от всех других классов средневекового общества⁵. Хотя вилланы еще формально сохраняли свою личную свободу в отличие от сервов, но на практике эти различия были весьма незначительны.

Начиная с царствования Вильгельма II Рыжего, мы уже видим множество приказов, адресованных шерифам и другим королевским чиновникам, предписывающих задерживать и вернуть такого-то серва со всем его имуществом (имущество серва, с точки зрения средневекового права, принадлежало его господину) его лорду или возвратить «по справедливости» всех беглых сервов их лорду к определенной дате⁶. Наряду с полицейскими мерами, направленными на возвращение светским и духовным лордам бежавших от них сервов, мы видим в документах и указания на предоставление отдельным лордам особых привилегий, гарантий, обеспечивающих «мирную и спокойную» эксплуатацию своих крепостных.

⁵ См. об этом подробнее: Jouon des Longrais, *Vilainage anglais*. Стремление удержать вилланов на земле получило отражение даже в Кларендонских Конституциях 1164 г. В ст. 16 читаем: «Сыновья крестьян не должны посвящаться в духовный сан без согласия сеньора, на чьей земле они признаны родившимися» (Stubbs. *Select Charters*. P. 167. / пер. Д.М. Петрушевского).

⁶ Когда в приказе указывалось конкретное имя беглого серва, то приказ просто содержал требование его вернуть. Но бывало, что имена конкретных сервов не были указаны. В этих случаях королевские приказы предписывали вернуть «по справедливости» всех обнаруженных и задержанных лиц, которых можно было подозревать в том, что они беглые сервы данного лорда. То есть шериф был обязан самостоятельно и «со всем тщанием» исследовать дело и установить, кто в его округе действительно является беглым сервом, кто был законно передан другому лорду, а кто был освобожден по милости своего господина от крепостного состояния (См. о приказе и его социальной значимости: Turner and Plucknett, *Brevia Placitata*).

Например, приказ, который можно приблизительно датировать 1142–1154 гг., предписывает Ричарду де Люси и шерифу Эссекса обеспечить епископу Винчестерскому и каноникам монастыря Св. Мартина «мирное и спокойное» обладание ими их сервами и «плодами их труда»⁷. Возьмем другой пример. Как следует из источников, Генрих I предоставил аббату Циренчестерской обители особую привилегию, освобождающую его от необходимости давать объяснения по поводу тех земель и крепостных, которых он приобрел ко дню своего вступления в должность, не говоря уже о тех приобретениях, на которые есть особое распоряжение короля⁸.

В начале правления Генриха II были предприняты серьезные меры в отношении беглых сервов и их насильственного возвращения «законным» владельцам⁹. В эпоху правления Генриха II большинство приказов общего права уже далеко продвинулись по пути развития от административных, властных распоряжений короля к полноценным юридическим актам. Но приказ «о беглых» так и остался неизменным по форме и сути и сохранил жестокий, карательный характер полицейского приказа.

Серьезный юридический дефект, присущий данному приказу, очевиден. Как можно с полной уверенностью утверждать, что тот или иной человек беглый серв? Какие действия следует предпринять, если он решительно заявит, что является свободным человеком? Как можно будет опровергнуть такое заявление? Приказ не содержит никаких конкретных указаний на этот счет, и можно полагать, что шерифы округа, где был обнаружен подозреваемый в побеге крестьянин, зачастую испытывали серьезные трудности при установлении истины.

⁷ London, St. Martin le Grand. Cart., Commune of London. P. 109.

⁸ Cirencester Cart. P. 114 (1131–1133).

⁹ См.: Northampton Cart. (1155); Cal. Charter Rolls. P. 172 (1158), 382 (1155); Twinham Cart. Все они обращаются к начальному периоду царствования Генриха II. Из относящихся к более позднему периоду можно упомянуть приказы, содержащиеся в следующих документах: Croyland Cart., Goldstow Cart. (1163–1174); Redding Cart. (1164–1166); Peterborough Cart. (1169–1186). Сохранились и аналогичные приказы, относящиеся к еще более позднему периоду, эпохе правления Генриха III. См.: Cal. Patent Rolls, Henry III (1258–1266). P. 566.

Затруднительность установления истинного статуса лица, крепостной ли он крестьянин или свободный, усугублялась также и тем, что шериф графства, где был задержан подозреваемый, не всегда мог найти достойных доверия свидетелей. Понятно, что беглый стремился уйти как можно дальше от ненавистного манора, оставить как можно большее расстояние между собой и своим бывшим лордом, порвать все свои прежние связи и знакомства, чтобы никто из новых соседей не мог бы удостовериться его зависимо-го положения. Результатом этого был целый вал протестов против необоснованных задержаний и арестов. Это вызвало, соответственно, необходимость выработки совершенно новых приказов, освобождающих подозреваемых от преследования в случае недостаточности доказательств или улик¹⁰. И что делать в том случае, если лорд, на земле которого будет задержан подозреваемый в побеге серв, заявит решительный протест шерифу, предъявившему приказ «о беглом», и клятвенно подтвердит, что данный крестьянин принадлежит ему «по праву», а истец, испросивший приказ, никогда не имел никаких законных прав на этого человека, что заявление истца «чистойшей ложь» и не может быть основанием для задержания подозреваемого в побеге лица?

Частые конфликты, возникавшие на этой почве, вызвали некоторые усовершенствования в следствии и процессе по данным делам, введенные в конце XII в., о чем можно судить на основании сведений, содержащихся в уже упоминавшемся нами выше «Трактате о законах и обычаях королевства Английского» Ранульфа Гленвилла. Если от

нового лорда задержанного крестьянина поступали возражения, то вопрос решался на расширенном заседании суда графства под руководством уполномоченного шерифа. Лорд же, отказавшийся выдать подозреваемого в побеге, обязан был предоставить все возможные доказательства своего права на данного серва¹¹. Сложнее обстояло дело, когда само лицо, подозреваемое в том, что оно является беглым, заявляло о своем свободном статусе. Тут уже суд графства не был уполномочен принимать окончательное решение. Действительно, что могли знать местные присяжные об истинном статусе пришельца, оказавшегося вдали от своего манора, семьи, знакомых, хорошо знающих его соседей? Какой вердикт они могли вынести? В данной ситуации лицо, подозреваемое в том, что оно беглый серв, но настаивающее тем не менее на своем свободном статусе, могло добиваться рассмотрения своего дела в королевском суде на основании соответствующего приказа. Данный приказ «о защите свободного статуса лица» (*de libertate probanda*) парализовал действие приказа «о беглых» и предусматривал освобождение задержанного лица и оставление его на свободе до вынесения решения судом высшей инстанции¹². Такова была архаическая модель процесса «о беглых». Говоря коротко, административный приказ «о беглых» (*breve de nativis*), издаваемый королевским судом, предписывал задержать подозреваемое лицо и возвратить его лорду. В случае же, если лицо настаивает на своем свободном статусе, то дело переносится на рассмотрение в королевский суд на основании нового приказа — «о защите свободного статуса». Королевские судьи были обязаны рассмотреть дело и вынести решение, было ли предварительное решение обоснованным, должно ли оно быть исполнено или его следует отменить. Таким образом, и издание приказа «о защите свободного статуса лица» и рассмотрение соответствующего дела было исключительной прерогативой королевских судей¹³.

¹⁰ В качестве примера можно привести историю весьма резонансного дела, произошедшего в 1200 г. в Солсбери. Некие Герберт и Рэндолф, сыновья Элгара, были схвачены и помещены под стражу как беглые, Ранульфом, казначеем солсберийским (См.: Fkower. Introduction. P. 228). Можно привести и другие случаи. Например, дело Эндрю де Гоблинга. Данный чиновник вынужден был понести ответственность за то, что человек, захваченный им как беглый, умер в заточении в следствии дурного с ним обращения. В то время как верховный юстициарий своим особым указом подтвердил свободный статус захваченного (См.: Flower. Introduction. P. 229). Имел место случай, когда серв, якобы собравшийся бежать, «незаконно и без достаточных для таких подозрений оснований содержался в оковах» (См.: Stenton. Pleas before the King. P. 60 (1201)).

¹¹ Glanvill. V. 1.

¹² Glanvill. V. 1–5.

¹³ Это, между прочим, показывает, как некоторые из известных исков общего права стали исключительно королевскими исками. Это произошло отнюдь не благодаря какому-либо постановлению, типа «отныне иски о том-то и том-то должны рассматриваться только в королевском суде...» Это явилось следствием

Приказ «о беглых» так и не получил дальнейшего развития. Приказ же «о защите свободного статуса лица» (*de libertate probanda*) — это уже совершенный, вполне развитый приказ. Здесь решение о статусе лица принимается, в конечном счете, на основании показаний сведущих соседей в присутствии и под руководством королевских судей.

долгого эволюционного развития юридической практики, когда некоторые из исков действительно принимались к рассмотрению самим королем и разрешались его судьями. Это же дает ключ к пониманию истории становления процессуальных правил и определения компетенции судов в «век торжества общего права». Частые обращения к королю, просьбы о выдаче такого рода приказов постепенно привели к установлению правила, что ряд исков (таких, как иски «о долге», «о восстановлении во владении», «о защите свободного статуса лица» и некоторые другие) вошли в число чисто «королевских случаев».

Почему старый приказ «о беглых» так и не развился в полноценный юридический приказ подобно другим приказам общего права, представляет собой трудноразрешимый вопрос. Возможно, это связано с его двойственным характером. С одной стороны, он был направлен против сервов, крепостных, бежавших от своих хозяев. С другой стороны, он был направлен против лордов, принимавших беглых под свое покровительство (беглецы не всегда стремились к свободе, иногда они бежали к лордам, которые обещали им больший участок земли, чем прежние хозяева, или меньшее обременение и т.д.). Таким образом, старый приказ в ходе своего развития должен был породить два новых, каждый из которых служил бы основанием для особого иска, один — о статусе лица, а другой — о правах лорда на лицо. Это создавало известные сложности и могло послужить препятствием, которое английское средневековое право так и не смогло преодолеть.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

Опасность причинения морального вреда для человека: теоретико-правовой анализ

*Воробьев Сергей Михайлович,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, доцент
sergey.vorobev.78@inbox.ru*

Настоящая научная статья посвящена проблемам опасности причинения морального вреда для человека в результате совершенного в отношении него преступления. Автор на основе изучения мнения различных ученых в этой сфере приходит к выводу о прямой взаимосвязи наступивших последствий морального вреда с физическим вредом. В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, историко-правовой, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный.

Ключевые слова: человек, потерпевший, преступление, вред, воздействие.

Danger of Moral Damage Infliction on Human: Theoretical and Legal Analysis

*Vorobyev Sergey M.,
Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Doctor of Law, Assistant Professor*

This scientific article is devoted to the problems of the danger of causing moral harm to humans resulted in a perfect against him of the crime. The author based on the study of opinions of various scholars in this field finds a direct relationship to the ensuing consequences of moral harm with physical harm. The paper used is modern, scientific and special methods of cognition: analysis, synthesis, historic-legal, structural-functional, normative, logical, complex.

Key words: person, victim, crime, damage, impact.

На опасность морального вреда указывал еще в конце XIX века известный русский психиатр профессор И.А. Сикорский. В лекции «Влияние нравственных страданий на организм человека» он отмечал, что эти страдания так же убивают организм, как и физические, но они страшнее последних, поскольку поражают высший орган жизни — нервную систему во всех ее частях, не оставляя свободного места. «Иннервация всех отправления, начиная от мышечной или физической силы до дыхания и кровообращения, поражается при нравственных страданиях; даже высшие отправления нервной системы — чувство и мысль претерпевают глубокие изменения. Если бы мы захотели охарактеризовать одним словом все изменения, производимые в организме нравственными страданиями, то правильнее всего было бы сказать, что нравственные страдания убивают организм медленной смертью, вызывая в высшей степени тяжелые симптомы, способные убить вполне здоровый ор-

ганизм посредством продолжительных мучений»¹.

А.С. Белогриц-Котляревский — известный правовед-криминалист, основываясь на данных физиологических исследований, считал, что «в сущности механизм психических потрясений имеет такой же соматический характер, как и непосредственные физические повреждения на организм человека»². Авторитетный русский юрист, адвокат Ф.Н. Плевако полагал, что потерпевшие от преступлений становятся «духовными бичами» и, несмотря на значительные моральные потери, испытывают не соответствующие им по силе страдания³.

¹ См.: Сикорский И.А. Физиология нравственных страданий. М.; Киев. 1890. С. 27. URL: <http://www.lib.ru> (дата обращения: 13.09.2012).

² См.: Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 197.

³ См.: Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993. С. 498.

Наукой экспериментально доказано, что душевные переживания человека, психологический дискомфорт способны вызывать гипертонию, язву желудка, бронхиальную астму и некоторые другие заболевания⁴. В результате продолжительного действия таких эмоций, как печаль, тревога, гнев, ярость, они становятся как бы чертами характера человека. Бывает и так, что эмоциональный стресс может породить инфаркт миокарда даже у человека, не страдавшего никакими сосудистыми заболеваниями. Не исключено, что последствия морального вреда сопряжены и с самоубийством жертв преступления⁵.

Последствия совершения преступления, как известно, не бывают одинаковыми, представляя собой, как считал Н.С. Таганцев, «весьма большое разнообразие, являясь непосредственными и опосредованными, близкими и отдаленными, наглядно осязаемыми или только гадательными»⁶. Однако, несмотря на их непредсказуемость, обязательным последствием любого преступления, на наш взгляд, является моральный вред. Возникающие вследствие его причинения страдания бывают нравственными либо физическими. Нравственные страдания могут быть связаны с обидой, страхом, горем, чувством утраты, физические — сопровождаться физиологическими нарушениями работы человеческого организма (изменение артериального давления, возникновение различных заболеваний, появление депрессии). Приведенные разновидности страданий можно объединить одним термином — моральный вред, который для каждого человека является различным в зависимости от степени восприятия случившегося.

Нематериальные последствия намного опасней других последствий по своим масштабам, так как могут распространяться на различные сферы. Эти последствия хотя и не поддаются оценке, но в то же время являются ощущаемыми. Кроме того, опасность морального вреда состоит в том, что он связан с различными видами преступ-

ных последствий. Так, А.М. Эрделевский отмечает, что повреждение организма потерпевшего обычно влечет за собой негативные изменения в состоянии его психического благополучия и имущественной сферы. Негативные изменения в состоянии психического благополучия выражаются в обоюродных страданиях — нравственных и физических (моральный вред), а в имущественной сфере — в расходах, связанных с коррекцией или функциональной компенсацией недостатков в организме потерпевшего, и утрате дохода (имущественный вред)⁷.

Между тем моральный вред чаще всего связан с физическим вредом, причем физическая боль может пройти, тогда как нравственные страдания могут сопровождать человека всю его жизнь, например, в случае обезображивания лица⁸. При этом физические страдания лишь усугубляют нравственные страдания, поскольку нарушаются потребности человека, его сложившийся образ жизни. Сами по себе физические и нравственные страдания являются оценочными понятиями. В связи с этим одни авторы считают, что физические страдания могут выражаться не только собственно в виде боли, но и в изнурительном физическом недомогании вследствие голода, жажды, охлаждения тела и т.п. Другие относят к физическим страданиям психофизические нарушения, истощающие нервную систему человека (нервные истощения), вызываемые многократным введением в организм разного рода психостимуляторов, галлюциногенов, других средств и препаратов наркотического, токсического или психотропного свойства. При этом подчеркивается, что данные последствия нельзя относить к психическим страданиям, о которых говорится в ст. 117 УК РФ, так как понятие психических страданий предполагает чисто нравственную боль, моральный вред, которые причиняются психогенными факторами (систематические глумления, издевательства, оскорбления, угрозы), воздействующими на психику,

⁴ См.: Шешуков М.П. О моральном вреде как основании признания потерпевшим // Правоведение. 1974. № 2. С. 100.

⁵ См.: Шхвацабая И. К. Полезна ли сердцу бессердечность? // Литературная газета. 1974. № 44. С. 13.

⁶ См.: Таганцев Н.С. Смертная казнь. СПб., 1913. С. 25.

⁷ См.: Эрделевский А.М. Проблемы компенсации морального вреда в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 7.

⁸ См.: Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда нематериальным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 11.

а не на контрольно-регуляторную функцию нервной системы⁹.

Несмотря на то, что нравственные и физические страдания относятся к оценочным понятиям, их нужно разграничивать, потому как любое причинение вреда здоровью вызывает у потерпевшего нравственные страдания. При этом в уголовном, уголовно-процессуальном и гражданском законодательстве необходимо наличие правовых норм, которые бы расшифровывали термины «нравственные страдания» и «физические страдания», и содержали четкие критерии их установления.

Для решения обозначенного вопроса небезынтересны мнения ученых-юристов, в частности: С.В. Нарижного, считающего, что нравственные страдания включают в себя следующие компоненты — обиду, страх, возмущение, горе, чувство утраты; физические страдания — боль, удушье, головокружение, тошноту, зуд, жжение¹⁰; Т.П. Будяковой, которая полагает, что физическим и нравственным страданиям, образующим моральный вред, свойственны виктимологические признаки: а) негативность переживаний (тогда как отдельными субъектами в определенных ситуациях страдание может отражаться как благо или даже как радость); б) они являются последствием преступления. При этом нравственное страдание это не что иное, как родовой термин, обозначающий синтез негативных эмоций и аффективно заряженных мыслей (например, в форме аффективных личностных комплексов), вызванных вторжением преступления в сферу нравственного сознания личности. Под физическими страданиями понимаются негативные ощущения (боль, зуд и т.п.) и негативные эмоции (чаще всего в виде различных фобий — страхов), возникающие в результате психотравмирующего воздействия преступления на организм жертвы¹¹. Однако перечень названных компонентов, по нашему мнению, является неполным. К нравственным страданиям можно отнести такие нервные расстройства, как мо-

ральный дискомфорт, боязнь, переживание, чувство незащищенности; к физическим — реакции организма на негативное воздействие (изменение артериального давления, учащение сердцебиения и др.).

Конкретизация определения нравственных и физических страданий, как представляется, положительно скажется и на решении вопросов, связанных с установлением размера компенсации морального вреда. Подтверждение этому — анализ судебной практики компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве, который со всей очевидностью свидетельствует об «отсутствии необходимых правовых знаний по данной проблеме как у граждан (прежде всего потерпевших), так и у практических работников правоохранительных органов»¹².

У каждого потерпевшего от преступления, в том числе совершенного посредством противоправного психического насилия, расстройства психики проявляются по-разному (индивидуально), в зависимости от их характера и психотравмирующей ситуации. Нанесением человеку психической травмы разрушается его собственное «я» (душа, эго), то есть внутреннее осознание им окружающей действительности. Испытываемые при этом переживания и нравственные мучения, отличающиеся устойчивым постоянством, передают импульсивные сигналы через головной мозг к другим органам человека, что может привести к необратимым последствиям, связанным с нарушением состояния его здоровья. Сколько при этом может страдать душа человека и когда она обретет свое нормальное состояние, не знает никто.

Мы полностью согласны с мнением Е.Н. Клециной о том, что моральный вред является последствием практического любого преступления, а причинение физического и имущественного вреда зависит от характера преступного деяния. Нередко в процессе производства по уголовному делу у потерпевшего наступает ухудшение психического состояния, он продолжает переживать случившееся. Интенсивность этих переживаний зависит от тяжести совершенного преступления. Поэтому вред, причиненный преступлением, может быть первичным и повторным (вторичным). Первичный вред причиняется непосредственно преступле-

⁹ См.: Иванова В.В. Преступное насилие. М., 2002. С. 42.

¹⁰ См.: Нарижный С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. М.; СПб., 2001. С. 39.

¹¹ См.: Будякова Т.П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 24–25.

¹² См.: Нарижный С.В. Указ. соч. С. 13.

нием, вторичный — обуславливается повторной виктимизацией¹³.

Само образование нравственных и физических страданий, воздействующих на психику потерпевшего, происходит по одной схеме: информационные раздражители, независимо от того, носят они информационный характер или выступают в виде физической травмы, проходят один и тот же путь, приводя к психической травме (дистрессу). Агент-раздражитель действует на психику, воспринимаясь либо через соответствующие органы (глаза, уши), либо через нервные ткани тела (при телесных повреждениях). Сигнал в виде образа (отпечатка) поступает в мозг, где происходит оценка и возникает соответствующая реакция психики. Эта реакция, как правило, в большей или меньшей степени охватывают всю структуру психики — сознание и бессознательное. Если это результат психического насилия, то в зависимости от направленности раздражителя либо происходит подавление (ограничение) воли лица, либо ему наносится психическая травма, либо то и другое одновременно. В свою очередь, длительное травмирование психики может вызвать психические аномалии, способные серьезно влиять на поведение человека.

Между тем любое преступление, нарушающее нематериальные блага потерпевшего, совершается помимо его воли — путем применения насилия, включая психическое. В момент совершения преступления и наступления преступных последствий человек реагирует на происшедшее, о чем свидетельствуют испуг, учащение сердцебиения, повышение артериального давления и т.п. Названные признаки — не что иное, как ответная реакция организма человека на преступные действия. Такие признаки представляют собой и проявление морального вреда, вызывающего у потерпевшего дискомфортное состояние, связанное с его нравственными или физическими страданиями, причиняемыми преступлением. Причем дискомфортное состояние наступает как в момент осуществления преступного действия (бездействия), так и после его окончания в виде возникшей раны, болезни или появления чувства утраты, например, в

случае кражи. По совершении преступления потерпевший продолжительное время испытывает последствия морального вреда в виде дискомфортного состояния, вызванного случившимся и сопровождающегося возникновением чувства тревоги, незащищенности, страха за свою жизнь, мести и др.

Изложенное позволяет констатировать, что моральный вред как дискомфортное состояние потерпевшего проявляется внезапно и постепенно усиливается в зависимости от реализации преступных действий (например, преступник первоначально оскорблял потерпевшего, а затем подверг его избиению, что впоследствии привело к тяжкому вреду здоровью потерпевшего. Возникшая болезнь будет сопровождаться и дискомфортным состоянием человека в виде морального вреда). Поэтому моральный вред как дискомфортное состояние, возникающее в результате совершения преступления, следует рассматривать относительно первичных и вторичных последствий преступления. Первичные преступные последствия указываются в уголовном законе в рамках составов преступлений. Эти последствия связаны с началом образования дискомфортного состояния в момент совершения преступления. Вторичные последствия преступления, в частности инвалидность, страх за свою жизнь, обуславливаются дискомфортным состоянием, возникающим в результате развития преступных последствий.

Таким образом, моральный вред как дискомфортное состояние потерпевшего присутствует и в момент реализации преступных действий (бездействия), и при появлении преступных последствий, и в ходе их развития. Тяжесть причиненного морального вреда зависит от ряда факторов, в числе которых: способ совершения преступления (использование оружия, боевых приемов, применение подручных средств); совершение преступления несколькими лицами; место совершения преступления; применение к потерпевшему психического насилия; введение потерпевшего в заблуждение; насильственная инъекция наркотических средств; заражение венерической болезнью; возраст и пол потерпевшего. Тяжесть морального вреда зависит и от степени восприятия информации, получаемой потерпевшим в момент совершения преступления. По мнению Ю.А. Шерковина, информация — это то, что вносит изменение в сознание или чувства людей, переживае-

¹³ См.: Клещина Е.Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 25.

мое ими психически, либо в виде выработки и принятия решений, либо в виде тех или иных эмоций¹⁴. При этом информация может быть как словесной (например оскор-

бление), так и наглядной, в частности, воспринимаемой человеком непосредственно в ходе действий преступника (например, потерпевший видит направленное на него оружие или издевательство над заложником), либо получаемой им вследствие применения к нему иных способов психического воздействия (насилия), например гипноза.

¹⁴ См.: Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 80.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский. Киев, СПб., Харьков: Южно-Русское кн. изд-во, 1903. 618 с.
2. Будякова Т.П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Т.П. Будякова. Тамбов, 2009. 41 с.
3. Иванова В.В. Преступное насилие / В.В. Иванова. М.: Книжный мир, 2002. 83 с.
4. Клещина Е.Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Н. Клещина. М., 2010. 64 с.
5. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России / С.В. Нарижный. СПб.: Изд. дом «Герда», 2001. 288 с.
6. Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Пешкова. Волгоград, 1998. 25 с.
7. Плевако Ф.Н. Избранные речи / Ф.Н. Плевако. М.: Юрид. лит., 1993. 542 с.
8. Таганцев Н.С. Смертная казнь / Н.С. Таганцев. СПб., 1913. 177 с.
9. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю.А. Шерковин. М.: Мысль, 1973. 215 с.
10. Шешуков М.П. О моральном вреде как основании признания потерпевшим / М.П. Шешуков // Правоведение. 1974. № 2.
11. Шхвацабая И.К. Полезна ли сердцу бессердечность? / И.К. Шхвацабая // Литературная газета. 1974. № 44.
12. Эрделевский А.М. Проблемы компенсации морального вреда в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / А.М. Эрделевский. М., 1998. С. 56.

Состав источников советского морского торгового права

*Берлявский Леонид Гарриевич,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета,
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук
berlg@yandex.ru*

*Данихно Светлана Николаевна,
магистрант юридического факультета
Ростовского государственного экономического университета,
кандидат исторических наук
danihno@mail.ru*

Рассмотрен состав и иерархия корпуса советских источников морского торгового права, их историческая эволюция в период 1920–1980-х гг. Проанализированы взгляды советских специалистов в области морского права на проблему источников права отрасли и их трансформации. Выявлена специфика источниковой базы правового регулирования торгового мореплавания, проблемы реализации норм морского права в условиях советской государственной, народнохозяйственной и идеологической систем.

Ключевые слова: советское право, торговое мореплавание, морское право, источники права, нормативные акты, правовые обычаи.

Structure of Sources of Soviet Merchant Shipping Law

*Berlyavsky Leonid G.,
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Doctor of History, Candidate of Legal Sciences*

*Danikhno Svetlana N.,
Graduate Student of the Law Faculty
of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Candidate of Historical Sciences*

The composition and hierarchy of the body of the soviet merchant marine law sources, their historical evolution in the period 1920-1980 are considered. The views of Soviet experts in the field of maritime law on the problem of legal sources of the and their transformation are analyzed. The specificity of legal sources bases of legal regulation of trading navigation, problem of marine law norms realization in the conditions of the Soviet state, economic and ideological systems is revealed.

Key words: soviet law, merchant shipping, law of sea, legal sources, statutory acts, legal customs.

Революционные события октября 1917 г. прервали эволюционный процесс формирования источниковой базы отечественного торгового мореплавания. Указанный процесс, запоздало начавшийся в период вхождения Российской империи в число морских держав, не может быть оценен однозначно. С одной стороны, принятие базовых правовых актов отрасли затягивалось, хотя работы над проектом Уложения о торговом мореплавании были завершены еще

в 1909 г.¹ В условиях стремительного развития отрасли торгового мореплавания в конце XIX — начале XX вв. нарекания современников вызывали архаизм и пробельность отечественного морского торгового

¹ Уложение о торговом мореплавании (проект с объяснениями). Т. 1 // Высочайше утвержденное Особое Совецание для составления проекта Уложения о торговом мореплавании. СПб. : Тип. В.С. Бороздина, 1911. С. XV.

законодательства, допускавшего зачастую прямые, не всегда корректные и необходимые заимствования зарубежного права. Так, в сфере морского страхования закон (ст. 561 Устава торгового в ред. 1903 г.) прямо допускал использование иностранного законодательства.

С другой стороны, разработка отечественного морского законодательства велась тщательно и с учетом баланса интересов государства и предпринимателей². Вопрос об источниках морского торгового права динамично обсуждался учеными с позиций широкого правопонимания, предметом дискуссии выступал источниковый статус нормативных актов, а также достаточно широкого круга ненормативных правовых явлений (правовые обычаи, судебная практика, правовая доктрина и проч.), иностранного и международного права³.

Исследование вопроса об источниках советского морского права в отечественном правоведении 1920–1980-х гг. в целом развивалось в русле официального правопонимания и отражало его трансформации. В науке советского морского права использовались вполне традиционные для теории источников права категории, прежде всего базовая для советского правоведения дихотомия формальных/материальных источников права. Следует отметить, что вопрос о составе источников советского морского права неизменно и достаточно подробно рассматривался в учебной литературе, в изданиях, посвященных отдельным институтам отрасли, однако не стал предметом самостоятельных научных исследований. Исключение составляет кандидатская диссертация В.В. Залесского (1952 г.)⁴, од-

нако значительного влияния на понимание проблемы источников советского морского права данная работа не оказала, отсылок к ней в основных учебных и научных изданиях не имеется, а интересы самого автора в дальнейшем лежали в сферах, далеких от юридического источниковедения.

Категория «формальные источники права», используемая для обозначения форм внешнего выражения правовых предписаний, в советском морском праве обозначала «формы существования права, обеспечивающие его распознавание»⁵, либо «формы, в которую облакаются нормы права»⁶.

Понимание состава формальных источников советского морского права за всю историю исследований не привнесло каких-либо особых неожиданностей. Трактовка состава и содержания корпуса внешних форм выражения норм морского права четко следовала постулатам официальной науки.

В 1920-е — начале 1930-х гг. к таковым относили закон, административные права распоряжения, договор, обычай, разъяснения Верховного Суда СССР, международные договоры⁷, отдельные ученые включали сюда также дипломатические конвенции СССР и международные правила, вырабатываемые на международных неофициальных конгрессах, конференциях и съездах представителей морских торговых кругов, типовые проформы договоров (чартеры, конносаменты, страховые полисы и др.)⁸. Основой для подобной трактовки состава источников права отрасли служили положения, принятого в 1929 г. Кодекса торгового мореплавания СССР. Последний допускал применение правовых обычаев, международных официальных и неофициальных соглашений, а также норм иностранного законодательства (судебными учреждениями при разрешении споров и сторонами в договорах), «поскольку последние не противо-

² Загускин Н.Н. Законодательное регулирование морского страхования в конце XIX — начале XX вв. // История государства и права. 2008. № 23. С. 20.

³ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. 4-е изд. СПб.: Издание Бр. Башмаковых, 1909. С. 191–193; Лаврентьев Д.К. Торговое право, вексельное и морское: Краткий курс для учащихся и самообразования. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, [1913]. С. 196–197; Доливо-Добровольский А.И. Закон и обычай в эволюции морского права // Вестник Права. 1902. № 2 (Февраль). С. 32–55; и др.

⁴ Залесский В.В. Источники советского морского права: автореф. дис. ... канд. юридич. наук. М.: 1952.

⁵ Авсов Ю.А. Морское право СССР // Всесоюзная торговая палата. Комиссия торгового мореплавания и морского права; Ю.А. Авсов, В.В. Егорьев, А.Д. Кейлин; под ред. Э.Ф. Розенталя. М.; Л.: Внешторгиздат, 1932. С. 5.

⁶ Шмигельский Г.Л., Ясиновский В.А. Основы советского морского права: учебник. М.: Морской транспорт, 1959. С. 16.

⁷ Авсов Ю.А. Указ. соч. С. 5.

⁸ Шептовицкий М.Я. Морское право: учебник. Л.: Гострансиздат, 1936. С. 15–16.

речат основам советского строя» (ч. 3 ст. 4, ст. 5 КТМ 1929 г.).

Окончательно складывание официального нормативистского правопонимания после 1938 г., последствия «большого террора», жертвами которого стал ряд высших руководителей Народного комиссариата водного транспорта СССР, закономерно привели к сужению круга источников советского морского торгового права. В изданиях второй половины 1930-х гг. таковыми однозначно названы лишь закон и подзаконные акты. С огромными оговорками к их числу отнесены обычаи торгового мореплавания. Типовым проформам документов и судебной практике в статусе источников права было однозначно отказано. Международно-правовые акты, которые, пусть и весьма ограничено, но все же применялись в регулировании торгового мореплавания страны (в довоенный период СССР присоединился к пяти международным конвенциям в данной сфере), были отнесены к источникам международного частного права⁹.

Относительная либерализация середины 1950-х гг. вновь позволила трактовать вопрос об источниках базе регулирования торгового мореплавания более широко, однако существенных изменений в понимание проблемы в условиях неизменности общественно-политического устройства внести не могла. «Конкретными формами норм морского права» специалисты Учебного управления Минморфлота СССР называли законы и подзаконные акты, обязательные постановления на морском транспорте, обычаи морского порта, договоры советского государства с иностранными государствами, международные морские правила и конвенции, а также общепризнанные морские международные обычаи¹⁰.

В середине 1960-х гг. увидел свет базовый на тот момент советский учебник по морскому праву, написанный наиболее авторитетными специалистами нового поколения. Источники права здесь определены как «конкретные юридические формы, в которых выражена государственная воля соответствующим

классов или в переходный от социализма к коммунизму период воля всего народа»¹¹. К числу источников советского морского права авторы традиционно относили законы и подзаконные акты, а также особый вид источников — партийно-государственные акты — постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, издаваемые по особо важным вопросам, имеющим первостепенное политическое значение. Во главу иерархии источников советского морского торгового права была поставлена Конституция СССР — идея не новая для советского государственного права, но ставшая новеллой для морского права. Судебная практика и правовые обычаи были по-прежнему, пусть и с существенными оговорками, включены в состав корпуса источников. Очевидно, что существенных трансформаций понимания состава формальных источников права в этот период не произошло.

Позже, уже на излете советской эпохи, ведущие специалисты в области морского торгового права (Ф.С. Бойцов, Г.Г. Иванов, А.Л. Маковский, В.Ф. Мещера) относили к ним нормативные акты (включая официальные распоряжения начальников морских торговых портов), а также обычаи портов. Определенные разногласия вызывал статус международно-правовых актов. Одни исследователи относили международные акты договорной природы к сфере международного частного права¹², другие включали «соглашения, признанные Советским государством», в число источников советского морского права¹³. Однако в целом трактовки состава источников отрасли в предперестроечную эпоху практически неотличимы от тех, что предлагала наука морского права в 1930–1950-е гг.

Гораздо более сложной для отечественной науки морского права являлась проблема так называемых материальных источников права — совокупности социальных факторов, создающих право. К их числу принято было относить либо государство, государственную власть, либо экономический строй, материальные условия жизни общества¹⁴. В 1950-е гг. А.Д. Кейлин утверждал,

⁹ Кейлин А.Д., Виноградов П.П. Морское право: учебник / под ред. А.П. Солодилова. М.: Водный транспорт, 1939. С. 15–21.

¹⁰ Морское право: методические указания и контрольное задание для курсантов-заочников судоводительских факультетов высших учебных заведений ММФ. М.: Морской транспорт, 1957. С. 3.

¹¹ Морское право: учебник / под ред. А.К. Жудро. М.: Водный транспорт, 1964. С. 17.

¹² Цит. по: Бойцов Ф.С., Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Морское право: учебник для мореходных училищ. М.: Транспорт, 1984. С. 17.

¹³ Мещера В.Ф. Морское право: учебное пособие (общая часть). Л.: 1969. С. 15.

¹⁴ Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 27.

что источники права в материальном смысле «определяются экономическим строем общества на данном этапе его развития, т.е. базисом, порождающим надстройку, включающую правовые взгляды общества и соответствующие им правовые учреждения»¹⁵. О влиянии материальных условий жизни общества на формирование норм морского права писали и другие авторы¹⁶.

Разумеется, история советского морского законодательства давала массу подтверждений идее материальных источников права. Целый ряд положений Кодексов торгового мореплавания СССР был прямо обусловлен такими базисными явлениями, как система отношений собственности, яркий пример — закрепленные КТМ 1929 г. существенные ограничения права собственности в отношении морских судов для частных лиц (ст. 8) или социальных строй (неизвестное зарубежному законодательству первоочередное удовлетворение социальных требований рабочих и служащих, указанное в п. «а» ст. 183). В КТМ 1969 г. содержалась целая глава VII «Планирование и организация перевозок грузов», отражавшая разнообразные аспекты плано-хозяйственной экономической системы.

Более того, под воздействием советских социально-экономических реалий деформировалась сама иерархия источников морского торгового права. Подзаконные акты (тарифы и правила), по признанию ученых того времени, подменяли собой, вытесняли из практического обихода не только договорные, но и законодательные положения¹⁷.

Однако на протяжении всего советского периода реалии торгового мореплавания ставили перед советскими законодателями, правоприменителями и представителями науки морского права целый ряд весьма неудобных вопросов, которые было принято обходить либо выстраивать сложные идеологически выверенные объяснения.

В числе таких вопросов можно выделить, в частности, влияние, оказанное дооктябрьским законодательством, судебной практикой и правовыми обычаями на советское морское торговое право. Несмотря на

очевидность того факта, что большинство принятых до октября 1917 г. актов, регулировавших торговое мореплавание, статус портов, экипажей морских судов и другого были практически без изменений интегрированы в правовую систему Советской России и позже оказали влияние на кодификацию морского законодательства, признание его советскими учеными состоялось лишь в преддверии краха советской системы¹⁸.

Не менее острым остается вопрос о влиянии иностранного и международного права на советское морское законодательство. Советская практика торгового мореплавания, а также законотворческий и правоприменительный процесс допускали целый ряд способов прямого использования зарубежного и международного права. На их основе был сконструирован целый ряд правовых норм КТМ СССР 1929 гг. и КТМ СССР 1968 гг. Советские перевозчики, страховщики использовали в практике типовые признанные проформы документов и включали в договоры отсылки к иностранному праву.

Советские ученые прилагали немалые усилия для нахождения объективных причин, объяснявших подобную практику: последствия гражданской войны и интервенции, уничтоживших морской торговый флот молодой советской республики, что вынуждало фрахтовать иностранные суда; происки буржуазных правительств и состоявших в створе с ними судовладельцев-монополистов, отказывавшихся заключать договоры на советских условиях; крупные инициативы советского государства по развитию международных торговых связей.

Схожие проблемы характеризовали применение в советском торговом мореплавании правовых обычаев. Последним, хотя они и признавались официальной правовой доктриной в качестве источника права, всегда отводилось весьма незначительное, подчиненное положение, роль архаичного пережитка. В сфере же морского торгового права признаваемая законом сфера применения «обычаев торгового мореплавания» и «портовых обычаев» была достаточно велика, и, более того, роль их, вопреки прогнозам, во внешнеторговых отношениях не снижалась.

Наконец, советское морское законодательство содержало некоторые институты, вступавшие в противоречие с советской правовой идеологией. Так, морское страхова-

¹⁵ Кейлин А.Д. Советское морское право: учебное пособие. М.: Гос. Изд-во водного транспорта, 1954. С. 9.

¹⁶ Мещера В.Ф. Указ. соч. С. 7.

¹⁷ Цит. по: Маковский А.Л. О роли договора при морских перевозках грузов на советских судах // Правоведение. 1959. № 4. С. 90.

¹⁸ Советское морское право: учебник / под ред. В.Ф. Мещеры. М.: Транспорт, 1985. С. 9.

ние было единственной областью советского страхового права, допускавшей применение «буржуазного» института перестрахования, о невозможности немедленного отказа от которого с сожалением писали уже в годы нэпа¹⁹. Тем не менее институт этот был закреплен в советских кодифицированных актах (ст. 194 КТМ 1929 г.; ч. 1 ст. 196 КТМ 1968 г.).

В числе объектов страхования, указанных в ч. 1 ст. 196 КТМ 1968 г., обращает на себя внимание «прибыль, ожидаемая от груза». В ст. 213 Кодекса законодатель также предусматривал возможность страхования «ожидаемой прибыли». Возможность включения в договоры морского страхования риска потери прибыли являлась одной из вынужденных уступок советского законодателя интересам потенциальных зарубежных контрагентов советских пароходств.

Можно привести и другие подобные примеры. Так или иначе, идея об органической связи правовых норм, регулирующих торговое мореплавание, с целым комплексом явлений и процессов, выходящих далеко за рамки исключительно советской государственной и экономической системы, «интересов советского государства и общества» красной нитью проходила через всю историю советского морского торгового права.

Отдельные советские исследователи предпринимали попытки анализа указанных противоречий посредством отказа от искусственного сужения действия факторов, определяющих содержание права.

Еще в первой половине 1930-х гг. М.Я. Шептовицкий использовал категорию «источники происхождения права» и «первоисточники правовых норм» для отграничения

¹⁹ Специальный бюллетень, посвященный вопросам торгового мореплавания и морского права с 1929–1930 гг. // Информационно-экономический отдел Всесоюзно-западной торговой палаты / консультант М.Г. Григорьев. М., 1929. С. 4–5.

комплекса явлений, порождающих право, от источников права в технико-юридическом смысле²⁰. В конце 1960-х гг. В.Ф. Мещера писал о том, что на содержание конкретных норм морского права определенного государства помимо нормативных указаний оказывают влияние его географическое положение, структура внешнеторговых связей, уровень развития морского флота и степень использования иностранного тоннажа, сложившиеся в морской торговле традиции и проч.²¹

Использование методологических возможностей, которые предоставляла конструкция «первоисточков» правовых норм, позволяло советским исследователям, оставаясь в рамках официально-доктринальных представлений, вплотную подходить к проблеме качественного своеобразия источников морского торгового права на национальном и международно-правовом уровне.

Таким образом, на протяжении существования советского торгового мореплавания можно выделить две взаимоисключающие тенденции в формировании состава источников права отрасли.

С одной стороны, законодатель и официальная наука на основе догматов советского государства выстраивали умозрительную иерархическую систему весьма узкого круга формальных источников советского морского торгового права. С другой стороны, объективные реалии торгового мореплавания и потребность советского государства в международной морской торговле, поддержке статуса морской державы вступали в противоречие с ограничениями, накладываемыми официальной идеологией. На практике это приводило к формированию *de facto* компромиссной, более широкой и емкой системы источников советского морского торгового права.

²⁰ Шептовицкий М.Я. Указ. соч. С. 16.

²¹ Мещера В.Ф. Указ. соч. С. 8.

Литература

1. Берлявский А.Г. Правовая политика советского государства в сфере регулирования научной деятельности (1917–1920) / А.Г. Берлявский // История государства и права. 2016. № 1. С. 20–24.
2. Берлявский А.Г., Данихно С.Н. Источники советского права: проблемы понимания / А.Г. Берлявский, С.Н. Данихно // История государства и права. 2016. № 18. С. 45–49.
3. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР: с пояснениями и примечаниями, составленными Ю. Авсвовым и В. Манжиним; Народный комиссариат водного транспорта. М., 1934. 119 с.
4. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Союза ССР / под ред. А.А. Маковского. М.: Транспорт, 1973. 498 с.
5. Кейлин А.Д. Советское морское право: учебное пособие. М.: Гос. изд-во водного транспорта, 1954. 396 с.
6. Мещера В.Ф. Морское право: учебное пособие (общая часть). Л.: 1969. 46 с.
7. Шептовицкий М.Я. Морское право: учебник. Л.: Гострансиздат, 1936. 226 с.

Рецензия на монографию С.С. Выхоря «Иностранные награды на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв.»

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
romashov_tgp@mail.ru*

В рецензии рассматриваются структурно-содержательные аспекты монографии Выхоря С.С. «Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв.». Дается оценка актуальности исследуемой проблематики, определяется теоретическая и практическая значимость полученных результатов, высказываются предложения касающиеся возможности использования книги в научной и образовательной деятельности.

Ключевые слова: государство, Российская империя, Российский императорский флот, военнослужащие, офицеры и нижние чины Российского флота, награды.

Review of the monograph “Foreign Decorations in the Russian Emperor Fleet in Second Half of XIX – Beginning of XX Century” by S.S. Vykhor

*Romashov Roman A.,
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation*

The review analyzes the structural and substantive aspects of the monograph Foreign Decorations in the Russian Emperor Fleet in Second Half of XIX – Beginning of XX Century by Vykhor S.S. The author assesses relevance of the researched issues, determines theoretical and practical significance of the received results, puts forward proposals related to book application in scientific and educational activity.

Key words: state, the Russian Empire, the Russian Emperor Fleet, members of the military, officers and lower ranks of the Russian Fleet, decorations.

Монография С.С. Выхоря «Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв.» посвящена исследованию проблематики, представляющей безусловный интерес как для военно-исторической науки, так и для государственной и международной политики в наградной сфере.

Представляя собой высшую форму правового поощрения, государственные награды, начиная с XVII в., занимают важное место в системе позитивных санкций, выступая в качестве как мотиваторов воинского героизма, так и своего рода оценочных факторов, показывающих отношение государства к лицам, совершившим военные подвиги либо иные достойные деяния.

При этом подданные Российской империи награждались как имперскими орденами и медалями, так и наградами иностранных государств.

В своей монографии С.С. Выхорь дает подробное описание награждений личного состава русского флота во второй половине XIX — начале XX вв. иностранными орденами и медалями. Нельзя не согласиться со следующим утверждением автора монографии: «... Российская история XIX–XX вв. стала временем активного строительства военно-морского флота. Корабли Российской империи демонстрировали свой флаг всему миру, защищали национальные интересы и участвовали в установлении дипломатических отноше-

ний. На мундирах адмиралов, офицеров, нижних чинов флота в виде орденов, медалей, почетных знаков нашла отражение вся внешняя политика того времени»¹.

Исследователь дает развернутую картину награждения иностранными орденами и медалями моряков русского флота в различных регионах мира. «Ордена и медали Великобритании, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии, Швеции, Дании, Португалии, итальянских государств, мелких немецких княжеств, Бразилии, Османской Империи, Персидского шахства, Бухарского эмирата, Сиамского королевства, Японии, Китая представляли собой наглядное признание роли Российского императорского флота в мировой политике»².

Анализ наградной статистики, равно как и правовых оснований получения иностранных государственных наград, позволяет с достаточно большой степенью вероятности реконструировать динамику изменений внешнеполитического курса Российского государства, единственными верными союзниками которого, по образному выражению Александра III, во все времена оставались лишь армия и флот.

По особенностям награждений экипажей русского флота четко прослеживаются периоды улучшения и ухудшения отношений Российской империи со странами ближнего и дальнего зарубежья. Особенно ярко подобная тенденция проявляется в награждениях орденами и медалями европейских государств, для которых Россия, в зависимости от обстоятельств, выступала и как надежный союзник, и как стратегический противник.

Структура монографии определяется ее объектом и предметом, целями и задача-

ми. Книга включает предисловие, две главы, объединяющие пять параграфов, заключение, библиографический перечень.

В первой главе «Европейские награды экипажей Российского императорского флота» анализируются статусы государственных наград, вручаемых российским морякам в странах Северной, Западной, Южной и Юго-Восточной Европы.

Во второй главе «Награды государств Востока, Азии, Африки и Америки для моряков русского флота» осуществляется сравнительный анализ орденов и медалей, получаемых офицерами и нижними чинами Российского императорского флота в Османской империи и Персии (параграф 1), а также в странах азиатско-африканского и американского регионов земного шара.

Автором на основании обширного эмпирического материала раскрываются многие малоизученные особенности отечественной внешней политики в различных регионах мира. Структурированность и детальная проработанность формулируемых в тексте монографии обобщений и выводов также составляет положительный момент в оценке ее содержания. Книга написана наукоемким и вместе с тем доступным для широкого понимания языком.

Монография С.С. Выхоря «Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв.» представляет собой самостоятельное, законченное исследование проблемы, имеющей важное научное и практическое значение. Книга может быть рекомендована к использованию в научной и образовательной деятельности как военных и военизированных учебных заведений, так и общегражданских образовательных учреждений. Ознакомление с монографией будет полезно всем лицам, интересующимся особенностями отечественной внешней политики и военной истории.

¹ Выхорь С.С. Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв. Воронеж, 2016. С. 4.

² Там же. С. 82.

Литература

1. Выхорь С.С. Иностранные ордена на Российском императорском флоте во второй половине XIX — начале XX вв. / С.С. Выхорь. Воронеж. 2016. 128 с.